

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА



Военно-историческая фантастика

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Путь на запад

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сизов В. Н.

Мы из Бреста. Путь на запад / В. Н. Сизов — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-091663-4

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора цикла бестселлеров «Мы из Бреста». Наш современник, боевой офицер, снова меняет историю Великой Отечественной войны. Зима 1942/1943 года. Войска 1-й танковой армии Клейста рвутся к Грозному, Нальчику и Владикавказу. Однако их ждет неприятный сюрприз. Подразделения Брестской штурмовой бригады вновь высаживаются в тылу врага, чтобы лишить гитлеровцев последних шансов завоевать Кавказ. От Кавказских гор начинается долгий путь бригады на Запад, к нашей Победе...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091663-4

© Сизов В. Н., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста. Путь на запад

© Сизов В.Н., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Хочу вернуться в те года,
Где была смерть и шла война.
Хочу увидеть всех друзей,
Обнять как можно их сильней.
Хочу пройти весь путь опять,
Я так устал не воевать.
Тоска съедает, боль в груди,
Прошу судьбу: меня верни.
Любую цену заплачу,
Пусть даже сразу я умру,
Но только дай мне автомат,
Патронов больше и гранат.
Я каждый день хочу туда,
Где грозовые облака,
Где вольно дышит океан,
Где ветер дует из-за скал.
Хочу ребят своих найти
И в первый рейд опять уйти.
В засаду мы не попадем,
Всех пятерых домой вернем.
Хочу обратно на войну.
Сергея, друг, к тебе иду.
Хочу увидеть я тебя,
Хочу взглянуть в твои глаза.*

* * *

В одном из послевоенных интервью И. В. Тюленев так определил особенности кавказского театра военных действий: большая (около 1 тыс. км) протяженность фронта; сильно пересеченная горами и ущельями местность; наличие трех оперативных направлений – Грозненско-Бакинского, Туапсинского и участка Главного Кавказского хребта; наличие морей по флангам; резкие смены климатических поясов в зависимости от высоты; изолированность фронта от центра страны. В конце июля 1942 г. кавказская группировка врага (группа армий «Б») насчитывала 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов. Между тем Закавказский фронт в 1941–1942 гг. уже отправил из Закавказья в Действующую армию десятки готовых частей и соединений, сотни маршевых подразделений

и к лету 1942 г. располагал лишь незначительным количеством готовых соединений (20 стрелковых дивизий и бригад, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковые бригады), прикрывавших по периметру все Закавказье. Бронетанковые силы насчитывали 202 танка, в большинстве своем – архаичные модели типа «Т-26», «Т-60». Фронт располагал 164 исправными самолетами, а также около 250 самолетов разных типов в запасных авиаполках и авиашколах. Артиллерия насчитывала 922 орудия и 746 минометов (калибром свыше 50 мм). Тем не менее огромным напряжением сил уже ко второй половине августа 1942 г. удалось создать устойчивый фронт обороны в предгорьях Кавказа и на Грозненско-Бакинском направлении.

Глава 1

Из книги воспоминаний Героя Советского Союза генерала-майора авиации в отставке Паришина Григория Ивановича «Огненное небо» (альт. ист.)¹

На встречах меня часто спрашивают – какой год на войне был самым тяжелым? Могу с уверенностью сказать, что 1942 год. В этом, безусловно, меня поддержат большинство фронтовиков. Каким бы тяжелым ни был первый год войны, 1942 год был в несколько раз хуже. После победы под Москвой, освобождения значительной части Белоруссии, в 1942 году были наши поражения под Брянском и Курском, тяжелейшие бои под Харьковом, Ростовом, Воронежем, в Крыму и на Кавказе. Наша авиадивизия принимала самое активное участие в этих сражениях. Снабжали наши соединения, сражающиеся в полном окружении врага в Белоруссии и под Брянском. Доставляли подкрепления и вывозили раненых, высаживали десанты и диверсионные группы в тылу врага. Очень многих боевых товарищей мы потеряли в том грозном 1942 году.

К марту 1942 года в строю обоих транспортных авиаполков оставалось лишь 20 исправных самолетов «Ю-52». Еще 12 были повреждены зенитным огнем противника и требовали средней категории ремонта корпуса и двигательной группы, а 7 самолетам, совершившим вынужденную посадку под Минском, требовался капитальный ремонт. В истребительном авиаполку положение было еще хуже. Его потери в технике составили более 70 %, а в личном составе 50 %. Серьезные потери в людях и технике понесли бомбардировочный и разведывательные полки.

Ставка ВГК оперативно отреагировала на сложившиеся в авиадивизии положение с авиапарком. В ущерб другим авиасоединениям нам были увеличены поставки самолетов «Ли-2», которые стали заменять донельзя изношенные трофейные борта транспортников и бомбардировщиков. По мере насыщения авиаполков новыми типами отечественных самолетов, а также закупленными в США и поставленными по «Алсибу»² захваченные у врага самолеты передавались в учебные части, где использовались для обучения летчиков-истребителей: к примеру, с немецкими машинами вели учебные бои слушатели знаменитой «вошебойки» – Высшей офицерской школы воздушного боя (ВОШВБ) в подмосковных Люберцах. Естественно, испытывались трофеи и для получения объективных тактико-технических характеристик, необходимых для совершенствования отечественных самолетов. Часть самолетов была передана в ГВФ³.

Наиболее остро стоял вопрос с летным и техническим персоналом авиаполков. Кроме боевых потерь были другие. Так, значительная часть пилотов и членов экипажей авиаполков состояла из числа штрафников. У большинства из них в конце марта истек срок нахождения в штрафной эскадрилье, и они убыли для дальнейшего прохождения службы в части ВВС КА. При этом с авиадивизии никто не снимал ответственности за снабжение Минской группы войск. Эта проблема была решена за счет большего привлечения женского персонала. На нашем базовом аэродроме в Подмоскowie к тому времени переучивалось более сорока пилотов-женщин. Именно они и заменили убывших в свои части штрафников. Уже к лету 1942 года половина экипажей транспортных авиаполков, действовавших на Минском и Брянском направлениях, состояла из женщин, а осенью практически все они были полностью укомплектованы женскими или смешанными экипажами.

¹ Начало см. «Мы из Бреста. Рейд выживших», «Мы из Бреста. Штурмовой батальон», «Мы из Бреста. Ликвидация».

² 16 ноября 1942 года в Красноярске приземлилась первая группа перегоняемых американских самолетов по трассе «Алсиб». Авиалиния «Алсиб» начиналась в г. Грейт-Фолс штата Монтана до Красноярска и далее, через Сибирь и Урал в Москву, общей протяженностью 14 тысяч километров; за 1942–1945 годы было переправлено 7926 боевых самолетов.

³ Гражданский воздушный флот.

Обеспокоенное все увеличивающимися нашими поставками на Белорусский фронт, немецкое командование ранней весной 1942 года значительно усилило свои силы ПВО на основных маршрутах, которыми мы пользовались. В районах Полоцка, Витебска, Орши, Смоленска и Могилева были размещены переброшенные с запада ночные истребители и станции радиолокационного обнаружения. Это стало возможным благодаря бездействию на фронте наших «союзников» по антигитлеровской коалиции. Практически сразу же возросли наши потери транспортных самолетов и бомбардировщиков. Только за одну ночь марта 1942 года на свою базу под Калинином не вернулось пять транспортных бортов, на следующую ночь еще шесть, и это несмотря на то, что их на всем протяжении маршрута прикрывали истребители сопровождения.

В связи с этим был поставлен вопрос об изменении тактики полетов в Белоруссию – с наступлением темноты наши самолеты стали прорываться поодиночке и на малой высоте.

Кроме того, перед партизанскими отрядами и диверсионными группам НКВД, действовавшими в тылу врага, была поставлена задача обнаружения позиций РЛС и аэродромов базирования ночных истребителей противника. Скоро эта задача была выполнена. Было установлено, что люфтваффе использует специально разработанную сеть, которая состояла из ряда квадратов под кодовым названием «Himmelbett»⁴, аналогичная тому, что была создана немцами в Германии и Западной Европе. Каждый такой квадрат имел размеры около 45 км в ширину и 30 км в глубину. В центре квадрата размещались радар, несколько прожекторов и дежурный ночной истребитель.

Партизанам в районе Полоцка и Смоленска удалось уничтожить несколько таких квадратов вместе с радаром и самолетами, а главное – с летчиками и операторами РЛС, что на некоторое время снизило потери нашей транспортной авиации, но не решило проблему полностью.

Наши конструкторы были заинтересованы в изучении новейшей вражеской техники. С этой целью в тыл противника была заброшена специальная группа диверсантов и специалистов НКВД, которая во взаимодействии с партизанами смогла под Витебском захватить немецкий аэродром, на котором располагалась так заинтересовавшая нас техника врага. Захват был произведен так профессионально и тихо, что немецкая комендатура в Витебске узнала об этом только после завершения операции, уничтожения аэродрома, эвакуации захваченных трофеев за линию фронта и удара партизан по городу.

Среди захваченных трофеев оказались планшетный стол «Зеебург», радары «Würzburg» и «Freya», техническая документация на них, обслуживающий персонал радаров и самолетов, ночные истребители «Ju 88С-6» и «Мессершмитт Bf.110Е-1/У1».

При этом «Ju 88С-6» был оборудован новейшим на тот момент радаром FuG 202 «Lichtenstein» ВС, который работал на частоте 490 МГц и имел радиус действия до 2 км. В связи с высоким уровнем секретности этот радар оснащался управляемыми из кабины пилота взрывателями для самоуничтожения в случае аварии самолета. Тем не менее специалистам НКВД удалось обезвредить заряд и перегнать самолет за линию фронта.

«Мессершмитт Bf.110Е-1/У1» был оборудован инфракрасным детектором (т. н. Spanner-Anlage). Такой прибор, установленный в верхней носовой части самолета, позволял обнаружить вражеский бомбардировщик по тепловому излучению, наиболее интенсивному в области выхлопных патрубков двигателей. Индикатор – т. н. Q-Rohr – находился перед кабиной экипажа и представлял собой небольшой круглый экран, на котором обнаружение вражеского самолета отмечалось светящейся полосой. Естественно, до полноценного прибора ночного видения такому устройству было еще далеко, но до внедрения в авиацию радиолокационных

⁴ «Химмельбетт», или «четырёхслойка» (название отражало четыре компонента системы – радар раннего оповещения «Freya» («Фрейя»), два контрольных радара «Würzburg» («Вюрцбург») и планшетный стол «Зеебург».

станций *Spanner-Anlage* оставался единственным в люфтваффе средством, помогающим обнаружить вражеские самолеты в темное время суток.

Наша авиадивизия принимала самое активное участие в этой операции: мы предоставляли транспортные самолеты, экипажи и техперсонал для эвакуации захваченной авиатехники, документации, вооружения и пленных. Все принимавшие активное участие в данной операции были награждены орденами боевого Красного Знамени, остальные – медалями «За боевые заслуги».

Изучение захваченных трофеев помогло советским конструкторам в совершенствовании стоящих с 1937 года на вооружении РККА станций радиообнаружения самолетов. Таких, как РУС-2 «Редут», РУС-2 с «Пегматит»⁵.

Летом 1942 года конструкторы возобновили работы по станциям РЛС обнаружения «Река» и наведения «Рассвет», разработка которых началась еще в 1939 году, но из-за начала войны так и не была закончена. Кроме этих станций, были разработаны станции «Редут-Д» с дальностью обнаружения до 300 км.

В Мурманске усилиями местных инженеров была создана РЛС «Роза», которая была построена с использованием блоков от станции орудийного наведения СОН-2, РЛС «РУС-2 с» и элементов радиоаппаратуры, снятых с трофейных «Ju-88», «Роза» обнаруживала самолеты противника на удалении до 160 км.

В 1943 году установки РУС-2М стали комплектоваться системой опознавания «свой – чужой». После модернизации РЛС получили обозначения «П-1», «П-2» и «П-2М» соответственно. В 1943 году была инициирована разработка станции раннего предупреждения и наведения перехватчиков «П-3». При мощности 100 к В на волне 4,15 м новая станция должна была обеспечивать дальность обнаружения не менее 130 км, а дальность определения координат для наведения перехватчиков – не менее 70 км.

Говоря о наземных радиолокационных станциях, нельзя не рассказать и о РЛС авиационного базирования. В начале 1941 г. в НИИ радиопромышленности по заказу ВВС начинается разработка авиационной РЛС сантиметрового диапазона «Гнейс-1». Станция планировалась к размещению на «Пе-2» и должна была обеспечивать дальность обнаружения не менее 5 км. Из-за эвакуации возникли проблемы с генераторными лампами и было принято решение разрабатывать РЛС метрового диапазона, получившую индекс «Гнейс-2». РЛС работала на волнах длиной 1,5 м при мощности передатчика 10 к Вт. Летом 1942 года РЛС «Гнейс-2» была установлена на 15 самолетов «Пе-2» и «Пе-3», которые были переданы в войсковые части. К 1944 году было выпущено более 200 станций «Гнейс-2». Значительная часть их была установлена на самолеты нашей авиадивизии и АДД. Только слабость нашей радиоэлектронной промышлен-

⁵ В 1936 году в ЛФТИ начались работы по наземной радиолокационной установке «Редут». В отличие от РУС-1 (система радиообнаружения линейного типа для охраны государственных границ – система «Ревень»). В основу системы была положена разработка ЛЭФИ «Рapid», испытанная в 1934 году. Система состояла из одной передающей машины и пары приемных, которые должны были располагаться на удалении 30–40 км от передающей. Передающая станция создавала в стороны приемных направленное излучение в виде сплошной завесы, при пересечении которой самолеты обнаруживались приемными станциями по биениям прямого и отраженного сигналов. В 1937–1938 годах НИИС КА получил заказ на изготовление 16 комплектов «Ревень». В сентябре 1939 года система «Ревень» была принята на вооружение войск ПВО под названием РУС-1. Первое боевое применение РУС-1 произошло в ходе советско-финской войны в ПВО Ленинграда. Всего было выпущено 45 комплектов РУС-1. Они были размещены в Закавказье и на Дальнем Востоке. Новая установка должна была выявлять факт наличия самолета, определять его азимут, скорость и дальность. Весной 1937 года опытный экземпляр установки обнаружил самолет на удалении 10 км. В 1939 году дальность обнаружения была доведена до 95 км. 26 июля 1940 года РУС-2 «Редут» был принят на вооружение. РУС-2 выпускался в мобильном варианте и состоял из 3 фургонов, установленных на автомобильном шасси: электрогенератора и приемника, смонтированных на шасси ГАЗ-ААА, и передатчика на шасси Зи С-6. Приемная и передающая кабины были оснащены синхронизированным приводом вращения. В период 1940–1945 годов было выпущено более 600 станций РУС-2 различных модификаций. Помимо автомобильной установки выпускался также вариант РУС-2 с «Пегматит», размещенный на двух прицепах. В 1940 году из-за дефицита автомобилей был разработан одноантенный вариант РУС-2 «Редут-41», в котором передатчик и приемник помещались на общем шасси.

ности не позволила обеспечить установку таких радаров на все боевые самолеты. Эта задача была решена уже после войны с введением в строй нескольких радиозаводов.

Для противолокационной борьбы в годы войны конструкторами были разработаны специальные установки, которые имитировали отраженные сигналы, что снижало эффективность радаров. Использовались и системы постановки помех, которые шумовым излучением «забивали» частоты работы РЛС противника.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не упомянул и разработки в области авиастроения, получившие толчок после изучения трофейной техники.

Специалисты НИИ ВВС, других научных центров смогли изучить основные типы самолетов гитлеровских люфтваффе. Военные инженеры отметили основную тенденцию развития самолетостроения Германии в то время – увеличение мощности двигателей. Истребители оборудовались бомбодержателями, а на бомбардировщиках и разведчиках заметно возросло количество огневых точек и была усилена бронезащита экипажа по сравнению с закупленными перед войной моделями. Наряду с этим отмечались некоторые технические особенности, например приспособление для быстрого слива горючего на случай вынужденной посадки на «Ju 88»-разведчике, неподвижный дистанционно управляемый пулемет в хвостовом коке и полуподвижная пушка в шкворневой установке на «He-111», устройство для выпуска отравляющих веществ с корректировщика «Hs-126» и другие «изюминки».

Значительный вклад в изучение трофейного имущества противника внесли инженеры ВВА им. Н. Е. Жуковского, которые выполняли специальное задание штаба ВВС Красной Армии. Команда специалистов, возглавляемая бригаинженером В. А. Семеновым, отбирала наиболее интересные технические новинки немцев и определяла возможность использования их в наших условиях. Особое внимание уделили тем мероприятиям, которые германское командование предпринимало для эксплуатации материальной части в зимних условиях. Выяснилось, что электрообогреватели, устройства местного обогрева частей моторов, нагревательные лампы схожи с используемыми в наших ВВС. Инженеры отметили новые варианты авиационной пушки «Эрликон», турельные пулеметы «MG81», мелкие бомбы мгновенного разрыва и с замедлением, которые противник начал использовать в зимнее время.

Среди захваченных нашей частью самолетов врага был двухмоторный разведчик «Мессершмитт Bf 110 С-5». Его сразу передали на изучение в БНТ ЦАГИ. Самолет отличался от испытанной у нас перед войной модели «С-2» дополнительным бронированием рабочих мест экипажа, демонтажом обеих пушек MG-FF и установкой для съемки «вниз – вперед» длиннофокусной автоматической фотокамеры «Rb50/30». Данные идеи переделки машины использовались при создании разведывательной модификации «Пе-2».

Благодаря принятым мерам нам к ноябрю 1942 года удалось в значительной мере сократить потери в личном составе и технике, эффективно бороться с ночными истребителями противника...

Глава 2

Камышников

Выглянувший из кабины пилот прокричал:

– Товарищи командиры, приготовьтесь, скоро посадка. Садиться будем в Сталинграде.

Вот за что я любил летать на современной мне по прошлой жизни реактивной авиации – так это за скорость. Всего пару часов лета из Москвы – и ты в Сочи или Тбилиси, а тут за полдня только до Сталинграда доплелись. Завтра на пути в Тбилиси весь день тоже придется провести в самолете, так как полетим кружным путем через Астрахань и Баку.

Еще люблю я реактивную авиацию за комфорт – все же тепло в салоне всегда есть, а тут хоть и не морозильник, но все же явно конструкторы к этому стремились, раз об отоплении салона не позаботились. Я когда две недели назад в Москву летел, вроде как и не замерз даже, а тут совсем задрог от холода.

В принципе все не так уж и плохо. Пока летели, я успел ознакомиться с отчетом о работе артели, разобрать кучу бумаг, взятых из наркомата, и прочитать письма, поступившие на мое имя.

Дела в артели шли хорошо. Продукция расходилась на раз. Заказов было больше, чем надо, но все они исполнялись вовремя. Плохо было с текстильным сырьем и кожей, но пока выкручивались.

В июле запустили кирпичный завод, и теперь мы могли похвастать выпуском собственного кирпича, керамической плитки и керамзита.

Все больше вопросов возникало по началу ремонта и сборки автотранспорта. Мы до этого занимались только разборкой не подлежащей восстановлению трофейной техники и восстановительным ремонтом, привлекая к этому в том числе и бойцов ремроты. Восстановительный ремонт сначала включал в себя ремонт двигателей, коробок, мостов, элементов кабины и кузова за счет снимаемых с других разбитых машин запчастей. Позже стали сами выпускать часть необходимых запчастей – тех же прокладок, например. Что-то сами лили, что-то заказывали по образцам на других предприятиях – таких же артелях и заводах. На заводах, кстати, дороже и дольше это обходилось. Артели были более оборотисты да и качественнее товар производили.

Весной больше половины бойцов и специалистов артели, работавших на восстановлении техники, забрали во вновь создаваемые фронтовые мобильные ремзаводы. На месте остались лишь бойцы, списанные с военной службы по ранению, и их ученики обоего пола в возрасте до 16 лет. Вот они-то и стали инициаторами нового дела – сборки автомобиля собственной конструкции. Им, видишь ли, переделывать часть машин в автобусы и спецмашины уже неинтересно стало. Общими усилиями создали свое конструкторское бюро и в итоге получили что-то похожее на «пазик» моего времени. Каюсь, я к этому тоже приложил свою руку – отправив Шмиту примерную схему и рисунок. Обещают к февралю опытный действующий экземпляр автобуса представить.

Еще весной мы отправляли представление на награждение лучших работников артели. В сентябре состоялось награждение. 19 человек получили медаль «За трудовое отличие», и что интересно, все награды были с мечами (в РИ такое дополнение к награде рассматривалось, но так и не было введено), указывающими на исключительные заслуги перед страной в деле вооружения РККА и НКВД, создания и освоения новых образцов вооружения.

Из других новостей было завершение строительства еще двух десятков домов для работников артели, поселковой школы, больницы и госпиталя. Наш поселок рос и развивался, еще немного – и в число крупных населенных пунктов попадем.

Обрадовали известия от ребят, с кем лежали в госпитале. Все письма были с фронта. Главное, что живы и здоровы, чего и мне желали.

Самую большую радость мне доставило письмо из госпиталя в Горьком. Оно было написано детским почерком с несколькими грамматическими ошибками, но то, что было в нем, не могло не обрадовать – Петрович, Горохов нашелся.

Он не погиб тогда при налете. Отброшенного взрывной волной и засыпанного обломками, в обгоревшем обмундировании, в бессознательном состоянии, с кучей ран и переломов его нашли бойцы, занимавшиеся разбором завалов склада, только на следующий день. Отправили в госпиталь, а оттуда эвакуировали за линию фронта. Сознание к нему вернулось на пятый день после прибытия в Горький, а вот память – только несколько дней назад. Именно поэтому так долго и не было сведений о нем. Лечение шло очень тяжело. Сказались тяжелая контузия, переохлаждение, многочисленные переломы и раны. Подлечив его раны, врачи оставили Петровича в качестве нестроевого при госпитале до восстановления памяти и полного выздоровления. Писать он сам не может, руки трясутся и не могут удержать ручку, именно поэтому за него это сделала девочка из пионерского отряда, шефствующего над ранеными. Он просил сообщить, как жена и остальные знакомые.

Тут же в самолете написал ответ Петровичу и в госпиталь представителю нашего наркомата с просьбой о переводе Горохова на лечение к нам на подмосковную базу. Мы его быстро на ноги поставим. Не зря же говорят, что дома и родные стены помогают. Вот Ленка-то обрадуется, узнав, что ее муж жив.

Среди кучи корреспонденции писем от Татьяны не было. Не знаю почему, но в последнее время, особенно после расставания с Юлей, для меня это было важным.

Посадка прошла более чем успешно. Поболтало немного, ну да ничего, главное, без приключений сели. В иллюминаторы были видны заснеженный аэродром, десятка два самолетов в капонирах и несколько батарей зениток. А еще заметил, что несколько зенитных пулеметных установок бдительно сопровождали борт, пока он катился по полосе. Как только самолет занял указанное ему место, его заблокировало несколько грузовиков, рядышком с которыми в полной боевой готовности разместились с десятков автоматчиков в стальных нагрудниках. Лишь после проверки документов у экипажа и пассажиров нам разрешили покинуть борт, а техникам приступить к обслуживанию самолета.

Выйдя из относительного комфорта самолета, мы оказались на все пронизывающем ветру. Хорошо, что хоть не пришлось тащиться по морозу. На ночь нас пообещали разместить в гостинице, находящейся неподалеку от аэродрома, и поэтому для экипажа, пассажиров и части их груза подогнали старенький автобус с промерзшими окнами. По дороге в гостиницу он горестно вздыхал, шумел коробкой и скрипел на ухабах, но тем не менее упорно преодолевал сугробы и заносы.

Гостиницей оказалось большое теплое одноэтажное деревянное здание с несколькими десятками номеров, баней, столовой и минимумом необходимых бытовых условий.

Экипаж разместили всех вместе в одной комнате. Остальных тоже постарались поселить вместе. Мне же досталась койка в двухместном номере. Соседа на месте не было. Сразу же после размещения дежурная пригласила на ужин.

В столовой практически никого не было. Несколько припозднившихся офицеров из таких же, как и мы, бедолаг, застрявших на аэродроме до утра. Подавальщицы тут же накрыли столы.

На одной из стен висела большая карта Европейской части СССР с обстановкой на фронте, около которой расположились несколько офицеров. Слушая вечернюю сводку Совинформбюро, доносившуюся из висевшего в углу репродуктора, они переставляли флажки на карте. Быстро закончив с ужином, мы присоединились к ним.

Линия фронта сейчас соответствовала примерно тому, что было в известной мне истории на начало 1943 года.

На северо-западном направлении бои шли под Ленинградом, на линии Тосно – Любань – Чудово – Новгород – Старая Русса – Холм – Великие Луки – Невель – Велиж. На центральном участке фронт проходил на линии Духовщина – Ярцево – Дорогобуж – Спас-Демянск – Киров – Людиново – Жиздра – Мценск – Новосиль – Ливны – Воронеж – Лиски – Павловск – Россошь – Валуйки – Волчанск – Чугуев – Змиев – Нов. Водолага – Красноград – Сахновщина – Лозовая – Барвенково – Славянск – Красный Лиман – Первомайск – Дебальцево – Красный Луч – Красный Сулин – Шахты – Мелиховская. Далее линия фронта шла на юг вдоль Дона до Манычевского канала и к озеру Маныч – Дивное – Буденновск – Моздок – Малгобек – Майский – Баксан – Микоян-Шахар (Кисловодск) – Каменноостовская – Нефтегорск – Горячий Ключ – Абинская – Крымская – Варениковская – Темрюк.

Меня больше всего интересовала обстановка на Кавказе. Там шли тяжелые бои на подступах к Малгобеку и Моздоку. В наркомате мне никаких указаний и приказов не дали. В разговоре с Берией прозвучало, что нам следует продолжать обеспечивать безопасность тыла Северной группы Закавказского фронта на территории Чечни, Ингушетии, Осетии и Грузии. Тем не менее фронт был совсем рядом с нами, и отсиживаться в стороне от участия в боях я не собирался.

Среди обступивших карту офицеров своими комментариями выделялся подполковник-танкист, на гимнастерке которого красовались два ордена Красного Знамени и три нашивки за ранения. Мне он показался знакомым, но где мы могли видеться, я сначала не мог вспомнить. Хотя я на память не жалуюсь. Тем более что Перстень частенько помогает вытаскивать из закромов совсем уж забытое. Подпол, кстати, меня тоже, похоже, узнал и старался вспомнить, где мы виделись. Несколько раз я ловил на себе его заинтересованные и внимательные взгляды, а затем, когда собравшиеся у карты стали расходиться по своим делам, он подошел ко мне и обратился с вопросом:

– Подполковник Камышников, Анатолий Павлович. 5-я танковая армия. Брянский фронт. Простите, товарищ подполковник, мы с вами раньше нигде не пересекались? Лицо мне ваше очень знакомым показалось.

– Седов Владимир Николаевич. Закавказский фронт. Мне ваше лицо тоже знакомым показалось. В Белоруссии не служили?

– С начала июня по июль прошлого года проходил службу комбатом в 53-м танковом полку 27-й танковой дивизии 17-го мехкорпуса. До войны стояли в Новогрудке. Там войну и начал. А вы?

– Служил в Бресте. 333-й стрелковый полк 6-й Орловской дивизии, тоже с июня прошлого года. Войну встретил в крепости, потом отходил через Слуцк и Бобруйск.

– Считай, земляки.

– Ну да. Кажется, я вас в начале июля в Слуцке видел.

– Похоже, да. Я там в лагере для военнопленных сидел, когда наши войска город и нас из плена освободили. Вы, по-моему, руководили одним из подразделений НКВД, бравших город. Потом еще выступали перед освобожденными из офицерского лагеря. Вы были в форме офицера войск НКВД.

– Да, это был я. Вы-то как в плен к немцам попали? Насколько я знаю, ваша дивизия отходила в направлении Столбцов.

– Наша дивизия почти не имела оружия и техники, ее штаб и тыловые структуры, а также тяжелое оружие, к которому не было боеприпасов, были сконцентрированы в лесу, в 18 километрах от Барановичей. Та часть дивизии, что имела оружие, заняла оборону на западной окраине Барановичей. Там и попали под удар танковых частей Гудериана. Раскатали они нас в хвост и гриву. Большая часть дивизии была рассеяна, те, кто остался в строю, начали отступать в

направлении Столбцов, а оттуда уже пошла к Узде. Я на подходах к городу под обстрел попал, ранение получил, от своих отстал, неделю в лесу у местных жителей отлеживался. Потом к фронту пошел. По пути полицаи из местных жителей меня и взяли. Доставили на сборный пункт пленных, а оттуда уже отправили в Слуцкий лагерь.

– Понятно. После освобождения что делали?

– В лагере у меня рана снова открылась, поэтому после освобождения сразу в строй не поставили, отправили как легкораненого в штаб Константинова. Занимался формированием из пленных бронетанковых частей. Подлечившись, командовал сводной танковой ротой. Участвовал в боях на укрепрайоне, потом с боями отходили к Бобруйску и Гомелю. За месяц боев из танковых ротных переквалифицировался сначала в комбата, а затем и командира стрелкового полка. В этом качестве и вышел к своим. Потом были бои под Гомелем, снова ранение. Госпиталь. За бои под Слуцком наградили орденом Красного Знамени и очередным воинским званием – капитан. Вылечился и снова воевал, теперь уже под Рославлем. Командовал стрелковым полком в 4-й армии. Там получил второй «боевик» (орден боевого Красного Знамени) и «майора». Снова госпиталь. Выписался лишь весной этого года. Со мной лечился однопольчанин из нашего 17-го корпуса. Он только в 36-й танковой дивизии служил. После выписки он попал служить во 2-й гвардейский корпус под начало к своему бывшему замкомдива Лизюкову, которого до войны часто встречал. С его подачи меня после выписки тоже под начало генерала Лизюкова направили. В оперативный отдел штаба корпуса, а потом и армии.

– Ясно. Анатолий Павлович, может, за встречу и знакомство по пятьдесят грамм? А то я смотрю, мы тут совсем одни остались, а людям убраться надо.

– Я – за. Тем более что я вам за свое освобождение из лагеря военнопленных до конца жизни теперь должен. Мне порой снится совсем другая судьба и жизнь... Вы где разместились? Может, ко мне в комнату? Я в ней один. Соседа пока не дали, – идя по коридору, предложил Камышников.

– Да какая, в принципе, разница. Давайте у вас – раз вы один.

Смех нас разорвал, когда мы остановились у дверей нашей с ним общей комнаты. Камышников оказался как раз моим соседом. Быстро накрыв из своих запасов стол и пропустив по маленькой, мы продолжили прерванный разговор.

– Я видел, что вас очень интересовала обстановка на Воронежском направлении? – спросил Камышников.

– Да. Я родом из Тамбова, а это, считай, по соседству. Всего-то чуть более двухсот километров.

– Ну да. Бывал я в Тамбове. Этой осенью. На танкоремонтном заводе. Хороший городишко. Да и в Воронеже побывать пришлось.

– Воевали там?

– Да. Сначала на дальних подступах к городу, а затем и в самом городе.

– Танки в городе? Надеюсь, хоть с пехотным прикрытием? Кстати, вы же говорили, что служите на Брянском фронте, а в городе, насколько я знаю, действует Воронежский фронт.

– Наша армия входит в состав Брянского фронта. После июльских боев нас выводили на переформирование, а потом в резерв Ставки. В середине сентября одну танковую бригаду нашего 2-го танкового корпуса использовали в городе, вот с ней я туда и попал.

– Понятно, простите, что перебил ваш рассказ. Тяжело, наверное, было сражаться в городских кварталах?

– Не тяжелей, чем в Слуцке, Гомеле или этим летом. В Воронеже мы почти полтора месяца поддерживали действия штурмовых групп одной из дивизий НКВД, оборонявшихся в районе сельхозинститута. Неплохо немцам ребра посчитали.

– Потери большие были?

– В ротах в строю по два-три танка осталось. Это при том, что подбитые машины старались сразу же эвакуировать и ремонтировать.

– Понятно. Анатолий Павлович, вы несколько раз упоминали про летние бои под Воронежем, не расскажите о них?

– Если вам интересно, расскажу. В середине апреля 1942 г. Лизюков получил приказ сформировать 2-й танковый корпус. С собой к новому месту службы он взял часть штабных командиров 2-го гвардейского корпуса, в том числе и меня.

По решению Ставки 2-й танковый корпус был включен в состав созданной в Московском военном округе 5-й танковой армии. Кроме него в состав армии вошли 11-й танковый корпус, 340-я стрелковая дивизия, 19-я отдельная танковая бригада, артиллерийские и другие части.

По своему составу танковые корпуса были однотипны – они включали в себя одну тяжелую танковую бригаду на «КВ-1»⁶ и две бригады танков, укомплектованных «Т-34» и «Т-60»⁷.

Мотострелковые бригады тоже были однотипные – 3 мотострелковых батальона, минометный дивизион, артиллерийский дивизион, зенитный дивизион. Плюс отдельные подразделения. Все части формирования весны этого года.

В июне Лизюкова назначили командующим армией, во вновь формируемый штаб армии перевели и меня. В середине июня нашу армию включили в состав Брянского фронта. Оставаясь в резерве Ставки Верховного главнокомандования, она была сосредоточена в районе города Ефремова в готовности к нанесению контрудара в случае прорыва противника на Мценском направлении.

28 июня началось германское наступление на Орловском и Курском направлениях. Наша армия частью сил 2-го танкового корпуса сражалась на Орловском направлении. Оборонительные бои там шли очень тяжелые. Бригады постоянно контратаковали врага, заставляя его останавливать свое продвижение и даже отступать. Тем не менее в конце первой декады июля Орел и Курск пали, а немцы стали продвигаться на Воронеж.

Если помните, 7 июля Брянский фронт был разделен на собственно Брянский⁸ и Воронежский⁹, во главе которого стал генерал-лейтенант Голиков. Мы остались в составе Брянского фронта.

К исходу 12 июля (в РИ 2 июля) противник, продвинувшись в полосе нашего фронта на глубину 60–80 км и в полосе Юго-Западного фронта до 80 км, окружил западнее Старого Оскола часть соединений 40-й и 21-й армий. На Воронежское направление из резерва Ставки ВГК были срочно направлены резервы¹⁰. Одновременно в районе Ельца с целью нанесения контрудара по флангу и тылу группировки немецких войск, наступавших на Воронеж, было принято решение о сосредоточении нашей 5-й танковой армии, усиленной 7-м танковым корпусом Ротмистрова, и 1-й истребительной авиационной армии резерва Ставки ВГК.

Для переброски своих войск в исходный район Лизюков предложил всем составом армии совершить своим ходом марш, двигаясь в ночное время, так, чтобы танковые бригады можно было ввести в бой одновременно; единым бронированным кулаком этим выигрывалось необходимое время для перегруппировки войск. Данное решение было одобрено Ставкой¹¹. Знаю-

⁶ По 32 «КВ» и 21 «Т-60».

⁷ По 44 «Т-34» и 21 «Т-60» в каждой бригаде. Всего в корпусе предполагалось иметь 183 танка, в резервной танковой бригаде – 44 танка «Т-34» и 21 танк «Т-60», а в армии – 431 танк.

⁸ 3-я, 48-я, 13-я и 5-я танковая армии, 1-й и 16-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус, авиационная группа генерала Ворожейкина.

⁹ 40-я армия, 3-я и 6-я резервные армии, 4-й, 17-й, 18-й и 24-й танковые корпуса, авиация фронта.

¹⁰ 60-я (бывшая 3-я резервная), 6-я (бывшая 6-я резервная) и 63-я (бывшая 5-я резервная) армии.

¹¹ В РИ этого сделано не было, в результате сосредоточение и переброска армии были вскрыты авиаразведкой противника, по эшелонам войск люфтваффе нанесло мощный бомбовый авиаудар, в результате которого армия понесла большие потери.

щие люди поговаривали, что за это решение командующего первым высказался сам товарищ Сталин.

16 июля (в РИ 3 июля) германская мотопехота прорвалась к пригороду Воронежа. Город охватили пожары, на его улицах развернулись ожесточенные бои за каждый квартал, дом, этаж; бойцы бились насмерть.

В этот же день наша армия получила приказ «ударом в общем направлении Землянк, Хохол (35 км юго-западнее Воронежа) перехватить коммуникации группировки противника, прорвавшейся к реке Дон на Воронеж; действиями по тылам этой группы сорвать ее переправу через Дон и оказать помощь выходящим из окружения частям 40-й армии».

Времени для подготовки и организации контрудара было мало, тем не менее командование армии смогло своевременно выполнить приказ Ставки и нанесло всеми своими соединениями мощный удар по врагу. Первым вступил в бой 7-й танковый корпус, которому для усиления были выделены 611-й легкий артиллерийский полк, две мотострелковые бригады¹², а также 19-я танковая бригада полковника Калиховича.

Весь контрудар нашей танковой армии строился на предположении о том, что наступающие немецкие танковые корпуса будут далее двигаться через Дон и Воронеж на восток. Однако это было не так. Уже в ходе боев от пленных было установлено, что армейской группе «Вейхс» ОКХ и ОКВ приказало высвободить подвижные соединения 4-й танковой армии в районе Воронежа и двигать их на юг согласно плану «Блау».

В связи с контрударом 5-й танковой армии по левому флангу армейской группы «Вейхс» немецкое командование было вынуждено отозвать свой 24-й танковый корпус, моторизованную дивизию «Великая Германия», три пехотные дивизии и 4-ю танковую армию из группировки, наступавшей вдоль Дона. Именно с этими силами и пришлось вступить во встречные бои нашей танковой армии.

Первый такой бой произошел с частями 11-й танковой дивизии противника в районе Красная Поляна. Около 170 наших и примерно столько же вражеских танков вступили в бой. Немцы в основном использовали средние и тяжелые танки, с новыми длинными стволами танковых орудий, могущие поражать наши машины на расстоянии до 1000 метров. Тем не менее к исходу дня враг был отброшен за реку Кобылья Снова. Наши части форсировали ее на участке Каменка, Перекоповка, однако дальше развить успех не смогли. Немцы заняли там прочную оборону и отражали все попытки их атаковать.

17 июля штаб ввел в сражение 11-й танковый корпус. Однако ни он, ни 7-й танковый корпус не добились успеха. Противник, имея превосходство в воздухе, оказывал упорное сопротивление. Вражеские бомбардировщики группами по 12–20 машин бомбили объекты армии по 7–9 раз в день. Очень сильно страдала от бомбежек пехота¹³, которая временами вообще вынуждена была прекращать боевые действия.

К исходу четвертых суток боевых действий соединения первого эшелона армии сломили сопротивление противника и, потеснив его, вышли к реке Сухая Верейка, где вновь были остановлены. По иронии судьбы речка Сухая Верейка оказалась довольно широкой водной преградой с заболоченной поймой. Броды не оборудовались, мосты были взорваны, подходы заминированы.

Пока велись разведка, поиск бродов, темп наступления был утрачен. Немцы смогли перебросить на этот участок фронта крупные резервы пехоты и артиллерии.

Позже мы узнали, что с целью улучшения руководства войсками группа армий «Юг» была разделена на группу армий «Б»¹⁴ и группу армий «А»¹⁵.

¹² 2-я и 12-я.

¹³ 2-я и 12-я мотострелковые бригады.

¹⁴ 6-я армия и армейская группа «Вейхс».

Вечером 20 июля¹⁶ перешла в наступление 2-я мотострелковая бригада 2 тк, а на рассвете 21 июля вступили в сражение тяжелые танки 148-й танковой бригады. После пятичасового боя противник был выбит из села Большие Верейки. Однако он непрерывно контратаковал, препятствуя развитию успеха. Его авиация безнаказанно «обрабатывала» боевые порядки корпуса. Утром 21 июля¹⁷ в сражение были введены остальные силы 2-го танкового корпуса, но добиться каких-либо существенных результатов не удалось.

Немцы поставили на пути наших танков мощную противотанковую артиллерию, смертельную преграду из САУ, 88-мм зенитных орудий, групп танков, действующих из засад, и других ПТС. Наши танки шли напролом, прогрызая оборону противника, и гибли десятками от вражеского огня, вспыхивая яркими факелами на полях Придонья. Хорошо, что ремонтно-эвакуационные подразделения поврежденные машины старались сразу же вывозить в тыл для ремонта.

Горели и немцы. Сильно горели. Две немецкие танковые дивизии, 9-я и 11-я, там больше половины своей техники потеряли. Много их танкистов навечно осталось в полях под Воронежем. Пленные утверждали, что в их ротах по 2–3 танка осталось. Так что сломили мы им там ударный хребет, заставили отступать, перегруппировываться и подтягивать резервы со Сталинградского направления.

Тем не менее основную задачу, поставленную Ставкой, мы выполнить не смогли. 24 июля 1942 года¹⁸ противник, перегруппировав свои силы, нанес сильный контрудар в стык между 7-м и 11-м танковыми корпусами. Части нашей танковой армии были вынуждены перейти к обороне. Бои в том районе с переменным успехом шли до середины августа. Пусть медленно, но армия метр за метром продвигалась вперед.

5 августа¹⁹ в бою у южного отрога рощи, в 2 км южнее села Лебяжье (высота 188,5) Семилукского района Воронежской области, с прорвавшимися подразделениями 542-го пехотного полка 387-й пехотной дивизии врага танк Лизюкова был подбит, а сам он погиб. Сейчас во главе армии стоит генерал Рыбалко, Павел Семенович.

Как бы там ни было, части армии смогли совершить главное – максимально задержать смену немецких танковых соединений на пехотные, в результате в этом сражении за Воронеж была втянута большая часть 4-й танковой и 6-й Полевой армий, что лишило немцев возможности развить наступление на юг вдоль Дона на Сталинград. Как я уже рассказывал, в конце августа в связи с большими потерями в танках и личном составе наша армия была отведена в тыл на пополнение и переформирование.

– Вы не анализировали, почему контрудар танковой армии не достиг желаемого результата?

– Анализировали, и не один раз. Для начала такой контрудар, превращавшийся для армии в самостоятельную наступательную операцию, следовало куда более тщательно планировать. Четко определить задачи, организовать взаимодействие с артиллерией и авиацией, наладить управление, решить массу других вопросов, как это делается при планировании любой подобной операции.

Кроме того, не было организовано оперативное ориентирование штаба армии, не был налажен на должном уровне обмен информацией между штабом фронта и армией.

Немаловажной из причин является то, что многие наши старшие и высшие командиры не готовы к претворению в жизнь теоретических положений, которыми руководствовались

¹⁵ Немецкие 1-я танковая, 11-я и 17-я армии, итальянская 8-я армия; генерал-фельдмаршал В. Лист.

¹⁶ В РИ 9 июля.

¹⁷ В РИ 10 июля.

¹⁸ В РИ 12 июля.

¹⁹ В РИ 23 июля.

Ставка и Генеральный штаб, создавая танковые формирования такого масштаба, как танковый корпус и армия. Они просто не смогли руководить той массой танков, что была в их распоряжении. Генштаб допустил серьезную ошибку, не организовав дополнительную подготовку командного состава штабов фронтов, армий и танковых корпусов по вопросам использования крупных масс танков. Отсюда слабая слаженность танковых соединений. В результате возник разрыв между техническими возможностями войск и уровнем подготовки руководящего состава по применению таких мощных средств борьбы, как танковые корпуса и армии, что отрицательно сказалось на их боевых действиях.

К числу причин неудач следует отнести слабую подготовку личного состава подразделений к ведению боевых действий. Да и сами подразделения вступали в бой неукомплектованными: не имели положенных по штату сил и средств разведки, связи, материально-технического обеспечения. Ощущался недостаток в средствах управления. Что касается боевой техники, то на вооружении находилось достаточно много легких танков.

Еще можно отметить: использование танковых частей мелкими подразделениями, что приводило к распылению сил; невнимательное отношение общевойсковых начальников к техническому состоянию подчиненных им танковых частей; ввод танков в бой поспешно без предварительной разведки и рекогносцировки местности, тщательного изучения системы огня противника; атака танками противника в лоб, неумение маневрировать на поле боя; использование танков для борьбы с танками и артиллерией противника...

– Понятно. Надеюсь, вы учли все эти ошибки?

– Постарались. На основе нашего опыта издан приказ Ставки по применению бронетанковых сил и взаимодействию всех родов войск в ходе наступательной операции. При Генштабе сейчас идет переподготовка командного состава танковых войск.

– Прекрасно. Будем надеяться, что теперь при организации наступления все получится как надо. Вы-то как в Сталинграде оказались?

– Мы должны получить на СТЗ²⁰ для армии новые танки и остальную технику. Я прилетел самолетом, остальные должны прибыть поездом. Вы-то сами надолго сюда?

– Нет. Утром полечу дальше к себе на фронт в Закавказье. Бригада заждалась. Да и немцы тоже.

– Понятно, тогда давайте закругляться, а то вам тяжело будет в полете.

– Согласен...

²⁰ Сталинградский тракторный завод.

Глава 3

Из беседы штабных офицеров вермахта 4.12.1942, г. Орша

– Ого, мой старый друг и начальник, ты наконец-то вернулся, и я могу теперь спокойно спать по ночам, а не мучиться начальственным недосыпанием! Надеюсь, ты приехал не с пустыми руками, а то мои запасы французского коньяка окончательно приказали долго жить.

– Все бы тебе потешаться надо мной, Вилли. Ты не слишком много стал пить? По моим сведениям, у тебя оставалось довольно много пойла – целых четыре бутылки!

– Узнаю старого разведчика! Знать, сколько у друга осталось в запасе коньяка, могут не многие. Придется менять денщика.

– Не трогай парня, он тут ни при чем. Так все-таки что случилось?

– Мои прогнозы на эту зиму стали сбываться, и ты мне теперь должен минимум 2 бутылки, а лучше ящик коньяка, чтобы я мог удовлетворить свое самолюбие. О взятии русскими Великих Лук и Невеля и окружении там части сил 59-го армейского корпуса, не успевшего вовремя отойти, уже знаешь?

– Да. Сказали утром на аэродроме.

– Тогда зачем спрашиваешь о причинах уничтожения моих запасов алкоголя? Кстати, как прошла твоя поездка? 16-я армия еще не сдала Старую Руссу, а то был бы повод лишний раз выпить за здоровье маршала Сталина?

– Нет, пока еще держатся. Хотя маршал Тимошенко усиливает давление в этом направлении. Насчет поездки могу сказать, что в основном все прошло неплохо. Твои друзья из ГА «Север» передают большой привет и пожелание скорее стать генералом и наконец возглавить наш Генштаб, чтобы победоносно или хотя бы вничью закончить эту войну. Твои прогнозы действительно сбываются. Но это не повод так сокращать свои запасы алкоголя. Еще не вечер, мой друг! Еще далеко не вечер!

– Согласен. Но согласись, что сумерки уже наступили. Русские нацелились на Полоцк и Даугавпилс. 3-я танковая армия и ОГ «Шевалери» чтобы остановить их, бросают туда все, что только можно. Снимают даже части с Минского направления. Но боюсь, что это все зря, больших резервов в нас сейчас нет, они все заняты либо под Минском, либо под Кировом и Мценском. Так что 2-й Белорусский фронт продолжит свое победоносное продвижение вперед. А что там у «северян» в районе Ленинграда? Какие новые фокусы выкинул командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант артиллерии Леонид Александрович Говоров? Ты прости, что я так говорю об этом русском, но я уважаю этого выдающегося полководца. В октябре – принять от Жукова фронт, завязший в оборонительных боях, полностью перестроить его работу, создать Ленинградский артиллерийский корпус, предназначенный для контрбатарейной борьбы с нами, построить пять новых укрепрайонов на подступах к городу и перейти в наступление уже через месяц – согласись, не каждый такое может сделать.

– Согласен. Но ты забываешь, что он почти полгода был у Жукова в качестве начальника штаба. Так что все перечисленное сделано им было еще до назначения командующим фронта. Кстати, можешь добавить в его заслуги создание в период тяжелых оборонительных боев прошедшего лета и осени ударной группировки, полностью выпавшей из поля нашего зрения. Главное тут в том, что он это сделал, не нарушая крепости и устойчивости линии обороны. Все части были изъяты из передней линии и имели немалый боевой опыт. На прошлой неделе войска Ленинградского фронта, взаимодействуя с Балтийским флотом, с Ораниенбаумского плацдарма и Красного Села на Ропшу перешли в наступление. Вчера после упорных боев наступавшие войска соединились в районе Ропши, ликвидировав этим нашу петергофско-стрельнинскую группировку. Сейчас русские продолжают развивать наступление на юго-западном направлении.

– Очень интересно. Значит, на очереди Новгород, Красногвардейск, Кингисепп, Луга и Нарва, а там и до Пскова недалеко. Брать они их будут во взаимодействии с партизанами, Волховским и Северо-Западными фронтами.

– Да. Наши парни тоже так считают.

– Не зря Сталин Жукова оставил на северо-западном направлении. Полтора года не прошли для генерала Жукова даром. Он очень хорошо изучил своего противника генерал-фельдмаршала фон Кюхлера и подчиненные ему войска. Поэтому он так удачно выбрал время для нанесения удара, как раз тогда, когда у нас совершенно нет резервов. Я вообще думаю, что нашим парням лучше бы оттуда уйти самим и, прикрывшись Лугой и болотами, занять крепкую оборону.

– Боюсь, это не реально. Фюрер будет категорически против и потребует держаться на занятых позициях до конца.

– Как посмотреть. Все будет зависеть от ситуации под Воронежем, Ростовом и на Кавказе.

– А что такого чрезвычайного случилось на Кавказе?

– Пока ничего особенного. Если не считать переход в наступление наших войск под Орджоникидзе. Возможно, я и ошибаюсь, но думаю, в ближайшее время русские попытаются срезать «кавказский аппендикс». Они накопили достаточно сил и вымотали наши войска, чтобы там начать крупную наступательную операцию против Группы армий «А». Не зря же они сохранили Южный фронт и продолжают его усиливать войсками из Сталинграда.

– И где же, по-твоему, будет нанесен удар?

– Явно не на Ростовском или Краснодарском направлениях. Это слишком ожидаемо. Мне кажется, что ударов будет несколько. Отвлекающий будет наноситься из района Новороссийска общим направлением на Краснодар, а основной из района Элисты на Ворошиловск (Ставрополь) или Кропоткин с целью отрезать и окружить главные ударные силы 1-й танковой и 17-й полевой.

– Это нереально! У русских не хватит сил для этого! Кроме того, там степи и укрыть войска практически нигде.

– Карл, ты стал старым и уже глупеешь! То, что нереально для нас, вполне выполнимо для русских. Насколько я помню, в Гражданскую войну эти степи для них не были большой преградой. Кроме того, не забывай, что южным направлением русских все еще командует маршал Буденный, для которого это знакомые по прошлой войне места.

– Возможно, и так. Что они там собрали?

– Согласно сводки от ребят из ГА «Юг» получается, что в состав Южного фронта вошли 51-я и 57-я армии, ранее стоявшие на Сталинградском направлении. Они полностью отмотелизованы, пополнены техникой и вооружением, личный состав обучен. Эти армии расположились на южном фланге фронта. Сюда же из Сталинграда выдвинуты 1-й танковая армия Москаленко, а также часть сил 28-й армии, прикрывающей Астрахань. Так что мы имеем создание ударного кулака на возможном направлении главного удара.

28-я и 37-я армии Южного фронта в течение июля – ноября получили пополнение из 62-й и 64-й армий того же Сталинградского направления и заточены на продолжение обороны вдоль Маныча и Дона.

Само же Сталинградское направление было значительно усилено пополнением из тыловых регионов России.

– Да это похоже на создание ударных сил наступательной операции, а что на других направлениях?

– В Новороссийск тоже поступают войска. 47-я и 56-я армии русских усилены несколькими бригадами морской пехоты, стрелковой дивизией из Баку. Есть неподтвержденные сведения о прибытии туда войск, ранее задействованных на обороне перевалов Большого Кавказского хребта.

– Тебе не кажется, что это что-то странное? Снимать войска с Туапсинского и Сухумского направлений, по крайней мере, выглядит, на мой взгляд, глупо. Мы же там можем ударить в любой момент.

– Нет, господин полковник, ты действительно становишься старым и глупым. Совсем забыл курс академии. Мой друг, я тебе хочу напомнить, что перевалы в тех районах уже в сентябре-октябре из-за большого снега труднопроходимы. Поэтому обороняющимся там не потребуется держать большие силы. Вполне хватит пары подготовленных батальонов, чтобы перекрыть дорогу нашим егерям, которые, кстати, в предыдущих боях понесли слишком большие потери и отведены на зимние квартиры. У русских готовых горных егерей хватает, что они доказали при защите перевалов в начале осени. Кроме того, насколько я понял из сводки, значительная часть наших егерей 49-го корпуса снята с этих направлений и участвует в наступлении на Орджоникидзе (Владикавказ).

– Ты прав, я уже слегка подзабыл академический курс. Видимо, русские действительно там готовят контрнаступление. Надеюсь, это видят и в штабе ГА «Юг», а раз так, то смогут оперативно отреагировать на него. Я так понимаю, что ты не берешь в расчет наступление русских в районе Моздока – Орджоникидзе?

– Не беру. Не вижу смысла. Оно обречено на неудачу. Как бы наши войска ни были ослаблены боями, они смогут остановить русских на этом направлении – наступающим придется преодолевать слишком много естественных преград. А это дополнительные потери в людях и технике, чего русские в последнее время стараются избегать. В принципе, это уже подтверждено боями конца ноября. По сообщениям разведки у русских там нет ударных частей, кроме нескольких крупных гвардейских соединений РККА и войск НКВД.

– Ну, вот тут ты не прав. Русские как раз их и могут двинуть в наступление. Там, насколько я помню, командует войсками Северной группы войск генерал-лейтенант НКВД Масленников, заместитель Берии по войскам НКВД, бывший командующий 39-й армией в известных Ржевских событиях этого года, а оборону Орджоникидзе строит генерал-майор НКВД Киселев, известный нам по событиям в Испании и на Дальнем Востоке. Они вполне могут держать «козырь в рукаве» – например, неизвестные нам резервы и при необходимости применить их. Кроме того, заметь, что 10-й стрелковый корпус, имеющийся в распоряжении Масленникова, сформирован из десантников, а раз так, то он вполне может решиться на проведение крупной десантной операции в нашем тылу.

– Память у тебя все-таки неплохая. Хотя ты и стараешься убедить всех в обратном. Я думаю так же, как и ты, но полагаюсь только на установленные факты, а они пока говорят о том, что с резервами у этих русских генералов слабо. Именно поэтому они и ввели в линейный бой десантников как обычное пехотное соединение. Кроме того, русским приходится бороться с инсургентами, скрывающимися в горах Кавказа. Потому они и держат там кучу боевых частей, опасаясь от удара в спину. Как, например, Брестскую штурмовую бригаду.

– Ты о ней что-то новое слышал?

– Нет. Кроме того, что в августе и ноябре она чистила от повстанцев, дезертиров и наших агентов тылы Северной группы войск Закавказского фронта. Ее батальоны стояли в Грозном, Орджоникидзе и Грузии с Дагестаном.

– Тогда я тебя могу немного просветить по этому вопросу. По сообщениям из Москвы, ее командир старший лейтенант ГБ Седов за совершенные летом и осенью этого года преступления на Кавказе находится в заключении. Нашему агенту удалось это выяснить через своего знакомого в аппарате ЦК большевиков. Бригадой командует друг Седова – майор войск НКВД Акимов.

– Интересно и довольно неожиданно. Мне казалось, что Седов пользуется благоволением со стороны высшего русского руководства. Звания, награды, должности об этом ярко говорили.

– Так и есть. Но не забывай, что существует подковерная борьба за власть, в том числе и у русских. Кому-то из «небожителей» не понравилось быстрое возвышение старшего лейтенанта ГБ, рост численности и возможности войск НКВД, усиление в связи с этим того же Берии. Вот Седов и мог стать пешкой в этой борьбе.

– Согласен. Тут, кстати, была информация об аресте и отстранении от дел целого ряда высших советских, партийных и военных чиновников на Кавказе. Вполне возможно, что арест комбрига является отголоском этой внутрипартийной борьбы.

– Возможно, и так. Но до подтверждения раскола среди русской верхушки, я думаю, говорить рано.

– Согласен.

– Давай вернемся к обсуждению возможных катастроф. Ты ничего не говорил про Воронеж?

– А что тут говорить? Там идет позиционное противоборство. Мы уже столько времени топчемся на одном месте, что даже становится скучно. Ни у нас, ни у русских пока нет сил переломить ситуацию в свою пользу. В какой-то мере взятие в августе Паулюсом на себя общего руководства войсками на том направлении потихоньку исправляет ситуацию в лучшую сторону. Мы медленно, но уверенно прогрызаем оборону русских в городе. Стоит особо отметить, что мы недооценили готовность русских обороняться. Барон Вейсх в августе явно поспешил сообщить, что город в наших руках.

– Ты не думаешь, что мы сможем прорваться дальше на восток и юг?

– Нет. Ни сейчас, ни позже. Успехи типа захвата Россоси и Богучар погоды не сделают. Нас не пустили ни на Москву, ни на юг к Сталинграду. Русские в оборонительных боях планомерно уничтожили наш ударный потенциал, а теперь готовятся к контрудару. Не зря же они держат свои 3-ю и 5-ю танковые армии на этом направлении. Летом русские доказали, что они вполне могут справляться с такой «игрушкой», как танковая армия. Хотя опыта у них пока мало, но это дело наживное. Я думаю, они с лета его поднакопили, раз смогли остановить продвижение наших уважаемых танкистов и выбить у них столько танков. Кроме того, на том же направлении у них с недавних пор появились еще две танковые армии...

– На совещании у «Старого лиса» говорили, что скоро на фронт придут новые тяжелые танки, могущие пробить броню любого русского.

– Мы уже с лета используем танки с длинными стволами, а толку пока мало. Русские тоже не сидят без дела. Про «Т-34М-85», «КВ-1 с-85», новые самоходки и истребители танков я, по-моему, уже рассказывал?

– Да.

– Ну, тогда слушай еще одну страшилку. По сведениям наших агентов, русские на Урале стали выпускать самоходные орудия с усиленным бронированием лобовой части и орудиями от 10 до 15 см. А вместо танков «Т-34М-85» и «КВ-1 с-85» готовят к выпуску новые танки с усиленным бронированием и мощными орудиями. Мне думается, стоит над этим основательно задуматься.

– Да очень интересная информация. Насколько я знаю, наши новые танки вооружают зенитными «Ахт-Ахт» и имеют значительно усиленную броню. Это по минимуму должно сравнять положение наших танкистов.

– Может быть, но я в этом не уверен. В техническом плане наши машины совершеннее, но русские проще и эффективнее. Не зря же во многих танковых частях сейчас используются трофейные русские танки. И еще ты упускаешь такой момент, как подготовка экипажей. По сведениям агентуры, русские наращивают выпуск курсантов для танковых войск. Экипажи проходят слаживание сначала на полигонах, а потом непосредственно в боевой обстановке. Сообщалось, что в том же Воронеже 5-я танковая армия русских использует свои бригады,

постоянно меняя экипажи для получения ими большего опыта. А мы гоним юнцов, только что закончивших школы.

– Ты прекрасно знаешь проблему с комплектованием частей. Скажи, когда ты ждешь наступление русских под Воронежем?

– Через две недели, крайний срок через месяц после разгрома или поражения наших войск на Кавказе. Именно в эти сроки русским удастся перебросить свои резервы с юга к Воронежу. По моим расчетам, это будет январь-февраль следующего года. Тогда все три русских фронта – Брянский, Воронежский и Донской – перейдут в наступление с целью окружения наших войск в треугольнике между Орлом, Курском и Воронежем.

– Надеюсь, ты сообщил об этом адмиралу?

– Да, еще вчера отправил ему свой анализ...

Глава 4

Кобулов

Наш самолет приземлился в Тбилиси уже в полной темноте. По позднему времени решил остаться ночевать здесь. От дежурного по наркомату позвонил в бригаду и вызвал на утро машину. Уже на выходе из здания встретился с подъехавшим в сопровождении немногочисленной охраны Кобуловым.

– На ловца и зверь бежит. Давно приехал?

– Час назад.

– Это хорошо. Давно тебя жду. Поздравляю с повышением и благополучным возвращением. Все вопросы уладил?

– Спасибо, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга. Да все нормально.

– Это хорошо. Ты сейчас куда?

– В гостиницу. Вызвал на утро машину к себе ехать.

– Ну и зачем звонил? Возьмешь автожир и быстро доберешься до места. В гостинице тебе нечего делать, ко мне поедешь. Места, где разместиться, хватит, кроме того, нам надо с тобой переговорить по ряду вопросов...

Кортеж из нескольких автомашин быстро пронесся по городским улицам и вырвался в горы. По дороге Богдан Захарович расспрашивал о Москве.

– Ты по поводу случившегося сильно не переживай. Бывает. Обид ни на кого не держи. Главное – что для тебя все закончилось благополучно. Мне сказали, что когда Иосифу Виссарионовичу докладывали материалы о тебе, он приказал прекратить расследование за отсутствием в твоих действиях состава преступления, а тебя немедленно освободить. И указал, что излишняя мягкотелость в борьбе с врагами страны не нужна: «Чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают...»²¹

После позднего ужина замнаркома пригласил в кабинет и у карты рассказал мне, что произошло на фронте за время моего отсутствия.

– Ты же сразу после ноябрьских уехал? Обстановку на тот период помнишь?

– Откуда. Я же тогда диверсантов и бандитов по горам гонял.

– Тогда слушай. Тебе полезно это будет знать.

В конце августа противник из района Тихорецка силами 3-й румынской армии²² и 5-го армейского корпуса 17-й армии нанес удар в направлении Анапа – Краснодар. Войска противника продвигались довольно быстро. На некоторых участках суточный переход доходил до десяти километров. Воздушный корпус 4-го флота немцев старательно расчищал путь войскам Клейста, производил бомбардировки железнодорожных станций, непрерывно штурмовал с воздуха советские части, ведущие тяжелые арьергардные бои. Главной угрозой нашему фронту было и до сих пор остается низкое морально-психологическое состояние войск, особенно молодого пополнения, которое без подготовки приходилось бросать в бой. Для сдерживания врага и обеспечения возможности планомерного отвода войск командованием Северо-Кавказским фронтом было принято решение о контрударах: частью сил 47-й и 56-й армий в районе Батайска, 17-м добровольческим казачьим кавалерийским корпусом в районе станиц Куцевской, Шкуринской, Канеловской.

В районе станицы Шкуринской активными действиями 12-й Кубанской дивизии удалось изрубить, перестрелять и артиллерийским огнем уничтожить более трех тысяч фашистов.

13-я Кубанская дивизия в своей конной атаке изрубила более 2000 фашистов.

²¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 108–109.

²² Кавалерийский корпус в составе 5-й, 6-й и 9-й кавалерийских дивизий.

Тем не менее попытки задержать врага, несмотря на весь героизм, проявленный нашими бойцами, потерпели неудачу.

Все четыре кавдивизии 17-го кавкорпуса²³ понесли значительные потери от артиллерии, танков и плотного минометного и пулеметного огня противника.

Стремительное продвижение частей 49-го немецкого корпуса побудило нас отвести 17-й кавкорпус в район Майкопа на новый оборонительный рубеж.

Неудачей обернулось и стремление сил 47 и 56-й армий овладеть Батайском. В ходе боев наши 339-я и 349-я стрелковые дивизии понесли значительные потери, потеряли свою боеспособность и были вынуждены отойти на краснодарский оборонительный обвод для формирования и отмотилизования. Они вместе с 30-й Иркутской стрелковой дивизией стали костяком обороны города.

Немцы стремились отрезать наши 12-ю и 18-ю армии, 1-й особый стрелковый корпус и 17-й кавкорпус от предгорий Кавказа, окружить и уничтожить их. Успешное завершение этой операции позволило бы им в районе Туапсе беспрепятственно выйти к Черному морю. Командование Северо-Кавказским фронтом заранее предвидело подобный сценарий развития ситуации. Основные силы фронта заблаговременно были выведены на левый берег Кубани. Кроме того, спустили воду с каналов на рисовые поля и уничтожили мосты. Все это помогло в обороне города и дало возможность противнику прорваться в город с запада. Бои за город шли 2 недели. Хоть и удержать город не удалось, тем не менее наши войска, закрепившись на левом берегу Кубани, смогли надолго остановить врага.

19 октября враг перешел в наступление, нанося удар в направлении станиц Абинская, Крымская. Вспомогательные удары были направлены на Темрюк. После ожесточенных сражений части 47-й армии и морской пехоты остановили противника, не дав ему прорваться к Новороссийску. Через месяц боев немцам на этом направлении пришлось перейти к стратегической обороне.

На Туапсинском направлении Черноморской группе войск удалось удержать под своим контролем все перевалы и не допустить прорыва 44-го армейского корпуса 17-й армии противника через горы к Туапсе. Главный удар здесь наносила армейская группа «Туапсе»²⁴. Она наносила одновременные удары на Шаумян и село Садовое. В этих боях немцы потеряли более 10 тысяч человек.

Получив как следует «по зубам», с 31 октября немцы тут перешли к обороне. По сведениям разведки, они снова готовят наступление, теперь уже через село Георгиевское. Думаю, что позиции мы там удержим, тем более что погода в тех местах нам благоприятствует.

После взятия Ворошиловска (Ставрополя), Армавира, Майкопа немцам потребовалось время для приведения себя в порядок.

9-я, 12-я, 18-я и 56-я армии, опираясь на заранее подготовленные позиции, смогли в значительной степени ослабить ударный кулак 1-й танковой армии немцев. Тем не менее вермахт обладает достаточными силами для развития одновременного наступления как в направлении Баку – Грозный и Орджоникидзе – Тбилиси – частями своих 1-й танковой и 17-й полевой армий, так и для захвата перевалов Главного Кавказского хребта – частями 49-го горного корпуса.

23 сентября немецкие войска²⁵ перешли в наступление на Моздокском направлении, здесь оборону держала наши 1-я танковая, 4-я воздушная и 9-я армии.

²³ 15-я, 116-я, 12-я и 13-я кавалерийские дивизии.

²⁴ В её состав входили горнострелковые и легкопехотные части.

²⁵ 49-й горнострелковый, 4-й танковый, 52-й армейский корпуса.

25-го пал Невинномысск, 26-го – Пятигорск. В городе два дня шли бои между передовыми частями 3-й немецкой танковой дивизии и бойцами местного гарнизона и курсантами Полтавского тракторного училища.

На фоне отступления наших войск в тылах и частях усилились паника и хаос. Командир разбитого под Армавиром 1-го отдельного стрелкового корпуса генерал Шаповалов под станицей Ярославская добровольно перешел к представителям 16-й моторизованной пехотной дивизии вермахта и активно сотрудничает с ними. Уже через два дня после своего предательства Шаповалов написал листовку-обращение к нашим бойцам с призывом сдаваться в плен. Ну да ему за это воздастся...

28 сентября 23-я танковая дивизия 1-й танковой армии немцев заняла Прохладный, 1 октября – Моздок. Дальнейшие попытки противника прорваться по линии Прохладный – Орджоникидзе успеха не принесли. Наши войска, используя естественные преграды, создали здесь глубокоэшелонированную оборонительную линию. В начале октября немецкие войска начали форсировать Терек и заняли небольшой плацдарм на южном берегу реки.

14 октября немцы силами 2 танковых и 2 пехотных дивизий перешли в новое наступление. Противник имел здесь превосходство в артиллерии более чем в 6 раз и в танках более чем в 4 раза. Однако больших успехов не достиг, понес большие потери из-за ударов нашей авиации, в том числе и твоих автожиров.

24 октября началось очередное немецкое наступление на этом направлении. Их ударная группировка была усилена 5-й танковой дивизией СС «Викинг», которую сняли с Туапсинского направления.

Немцы наступали в направлении Орджоникидзе и вдоль железной дороги Прохладный – Грозный по долине реки Сунжа на Грозный. После четырех дней ожесточенных боев противник захватил Терек, Плановское, Эльхотово, Илларионовку, но дальше Малгобека пробиться не смог. Огромные потери, понесенные в боях в районе Моздока, Малгобека и Эльхотово, заставили Клейста временно перейти к обороне.

Одновременно с боями на Грозненском направлении развернулось сражение в центральной части Главного Кавказского хребта. Первоначально сражение складывалось явно не в нашу пользу. Вермахт силами 49-го горного корпуса, корпуса генерала Конрада и двух румынских горнострелковых дивизий сумел довольно быстро прорваться к перевалам западнее горы Эльбрус.

Немецкие части пытались прорваться на Клухорский, Марухский и Умпоргский, Санчарский перевалы. В результате чего появилась бы угроза выхода немецких войск к Сухуми и приморским коммуникациям. За перевалы развернулись тяжелые кровопролитные бои. Особо жаркими они были на Санчарском перевале. Внезапной атакой с трех сторон немецкие егеря захватили Марухский перевал, но дальше враг, упершись в стойкую оборону наших частей, продвинуться не смог.

Все это удалось сделать только благодаря предвидению Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Павловича. Товарищ Сталин еще 2 октября прошлого года приказывал уделить особое внимание обороне перевалов и всего Северного Кавказа²⁶. В мае этого года Берия как член ГКО дал команду войскам Закавказского фронта пересмотреть в сторону улучшения оборону перевалов, усилить ее сотрудниками нашего наркомата, в том числе снайперами и специально подготовленными группами альпинистов. В 46-ю армию, прикрывавшую перевалы в центральной и западной части Главного Кавказского хребта, от нас были направлены инструкторы альпинистской подготовки. Кроме того, сами перевалы были взяты под охрану пограничниками. Со всеми бойцами и командирами были проведены специальные занятия по особенностям ведения боевых действий в горах, передвижению и подъему на ледники и снежные перевалы.

²⁶ РГВА, ф. 48 а, оп. 1554, д. 91, л. 314.

Часть, кстати, у тебя на базе готовилась. Для этих подразделений выделили специальное горное снаряжение и вооружение, теплое обмундирование, вьючный транспорт. Здесь, в Тбилиси, организовали производство разборных деревянных домиков для защитников перевалов.

Ты должен помнить, как в августе сюда приезжал Берия.

– Конечно, помню. После совещания с ним встречались, когда докладывал о разгроме банды Шерипова.

– Так вот он тогда специально ездил проверять подготовку частей к обороне перевалов и строительство оборонительных укреплений. Очень многим ответственным товарищам досталось «на орехи» за плохую работу. Кое-кого из фронтового и армейского руководства пришлось снять со своих должностей.

Была проведена большая работа на самых важных перевалах, а также на Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорогах по обустройству оборонительных сооружений – узлов обороны, опорных пунктов, дотов, окопов и противотанковых рвов, системы заграждений – работы по подготовке обрушения скал, разрушению дорог и их затоплению. На основных перевальных маршрутах и дорогах из наших сотрудников были созданы комендатуры, которые имеют в своем составе саперов, снайперов, радиостанции. Для противодействия обходным действиям противника были сформированы специальные отряды численностью до роты, усиленные саперами, которые могли быстро блокировать возможный прорыв врага. В целях устойчивого управления сначала при штабе Закавказского фронта, а затем Северо-Кавказского была сформирована оперативная группа НКВД по обороне Главного Кавказского хребта. Все это и дало положительный результат.

В качестве примера приведу тебе такой случай. Немецкие альпинисты капитана Гейнца Грота из состава 1-й и 4-й горнопехотных дивизий 49-го горнопехотного корпуса вермахта с перевала Хотю-тау через ледник Гарабаши попытались прорваться на Эльбрус. Эта попытка была сорвана специально подготовленной горнострелковой ротой лейтенанта Григорьянц, занявшей туристские базы «Старого кругозора», «Кругозора» и «Нового кругозора», расположенные на высоте 3200 метров над уровнем моря, «Ледовую базу», «Приют одиннадцати», а также группы курсантов Бакинского пехотного училища и бойцов 25-го и 8-го полков НКВД, стоявших в поселке Терскол и Горноспортивной базе ЦДКА, расположенной на поляне «Азау», и отрядом бойцов 214-го полка 63-й кавалерийской дивизии, державших оборону на метеорологической станции базы «Приют девяти»²⁷.

После захвата Микоян-Шахара (сов. Карачаевск) немецким командованием для поддержания оккупационного режима создан антисоветский «Карачаевский национальный комитет», который в значительной степени помог врагу пресечь партизанское движение против захватчиков.

9—11 октября антисоветский «Карачаевский национальный комитет» с разрешения германского командования провел в Кисловодске грандиозное торжество – отметил ранее нами запрещенный исламский праздник Ураза-байрам. На торжество приезжали и выступали с поздравлениями бывшие царские казацкие генералы и немецкое оккупационное начальство.

19 октября «Карачаевский национальный комитет» издал указ об упразднении колхозов и совхозов.

22 октября «Карачаевский национальный комитет» при участии и поддержке генерала белой гвардии Султан Клыч Гирея и карачайбалкарских белоэмигрантов Шакманова Паго и Келеметова подал прошение германскому командованию о преобразовании Карачаевской области в Свободную Карачаевскую Республику.

А уже 16 ноября в оккупированном немцами Кисловодске коллаборантским «Карачаевским национальным комитетом» и делегатами от балкарских сел было провозглашено объеди-

²⁷ Увы, в реальной истории этого не произошло.

нение Карачая и Балкарии в единый Карачай. Был подписан договор об образовании Единой Карачаевской области (Карачай), который сопровождался курманлыком (торжественный молебен и обед). В договоре говорится: «...*Народы Карачая и Балкарии, составляющие одну и ту же народность, имеющие одни и те же язык и религию, одни и те же обычаи, нравы, адаты и уклад жизни, насильственно разьединенные в прошлом, изъявили желание соединиться вновь в одну административную единицу...*» Они это сделали «под протекторатом Великого Германского народа». Ну, с этими предателями мы скоро разберемся.

Ладно, все это дела, что называется, минувших дней.

22 ноября вместо генерал-фельдмаршала Листа командующим группы армий «А» назначен генерал-полковник Эвальд фон Клейст, что сразу сказалось на действиях врага. В течение прошедшего месяца немцы вели перегруппировку своих ударных сил. По сведениям партизан и разведки, противник на Нальчикском и Орджоникидзевском направлениях концентрирует две танковые и одну моторизованную дивизии. Есть пока не подтвержденные сведения о переброски сюда с перевалов Главного Кавказского хребта части сил 49-го горнострелкового корпуса, а также подразделений румынской и словацкой армий с Новороссийского и Туапсинского направлений.

Ставка и лично товарищ Сталин считают, что немцы планируют захватить Орджоникидзе, чтобы затем развить наступление в направлении Грозный – Баку и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси и для этого ударят в направлении Нальчика и Орджоникидзе.

Ожидается, что новое наступление врага начнется в ближайшие часы. К этому их вынуждают погода и приказы Гитлера. Так что ты прибыл очень вовремя.

Мы готовимся отразить этот удар. Несколько дней назад на угрожаемые направления скрытно переброшены усиленная противотанковой артиллерией танковая бригада, пять полков истребительно-противотанковой артиллерии, три полка реактивной артиллерии и стрелковая дивизия из состава 58-й армии. Оборона Орджоникидзе усилена в том числе и твоей бригадой. Точнее, всеми подразделениями, кроме батальонов, задействованных на заставах в Чечне. Участие твоей бригады в оборонительных боях за Орджоникидзе не предусматривается, она будет использована только в случае прорыва врага непосредственно к городу.

Ваша база в Тарском передана в ведение отдела боевой подготовки штаба Закавказского фронта. На ней будет размещен филиал создаваемой Школы военного альпинизма и горнолыжного дела (ШВАГЛД). Сама школа будет располагаться в Бакуриани. Ее начальником назначен капитан Андреев, его помощником воентехник 1-го ранга Черепов. Обучением альпинизму будет руководить капитан Абалаков, занятиями по горнолыжному делу – лейтенант Родионов, методический материал разрабатывает политрук Белецкий. Ты их должен помнить по ОМСБОНу и подготовке в Тарском. Твой Ларин останется комендантом базы и руководителем филиала школы.

Бригадой сейчас вполне успешно руководит твой зам Акимов. Есть мнение, чтобы он какое-то время продолжал это делать. А для тебя есть отдельное задание, связанное с имеющимся опытом захвата объектов в тылу врага.

Судоплатов вместе со Штеменко из Генштаба исходя из сложившейся на фронте обстановки предложили провести операцию, которая может в значительной мере помочь нашему скорому контрнаступлению. Судоплатову пришла в голову идея использовать тебя и часть твоей бригады в ходе этой операции. Завтра он тебе все сам подробно расскажет.

– Есть.

– И еще, Володя. Хочу тебя предостеречь. На тебя многие зуб точат не только здесь, но и Москве. Кто-то банально завидует, кто-то из-за разгрома здешней пятой колонны. Очень уж ты многим ноги и пальцы поотдавливал. Вот они тебе и гадают как могут. Лаврентий Павлович весной на тебя за Минск и последующие бои в Белоруссии представление к третьей звезде Героя готовил, но не пропустили в ЦК, сославшись на большое количество жалоб, поступив-

ших на тебя с мест. Ты поэтому только орден Суворова 2-й степени получил. Хотя остальные свои «Звезды» получили, причем только за одну Минскую операцию. За остальные операции им ордена Суворова 1-й степени дали.

– Не за награды воюем.

– Правильно, не за них. Но тут важно другое – отношение к тебе и тому, что ты делаешь.

– Я ни на кого не в обиде. Мне и того, что дали, вполне хватает.

– Это правильно, но и давать себя отстранять в сторону не надо, затопчут. Поэтому будь осторожен. Твои враги пока только гневные письма по инстанциям рассылают, но скоро перейдут к более решительным действиям. Поберегись. Очень тебя прошу.

– Спасибо, Богдан Захарович, учту. Смерти я не боюсь. Рано или поздно все равно умрем. От немцев, мне кажется, куда больше угроза исходит.

– Согласен, исходит, и немалая. Недавно здесь, в Грузии, была взята группа немецких диверсантов. Так вот они на допросе показали, что среди задач, поставленных перед ними абвером, была и твоего физического устранения. О том, что твоя бригада находится здесь, командование вермахта прекрасно осведомлено. Учти это...

Глава 5

Новое задание

Замысел операции, предложенной Судоплатовым, был прост и незамысловат: силами моей бригады повторить то же, что было в прошлом году в Белоруссии и Минске, – совершить рейд по немецким тылам. В ходе которого захватить город или сильный узел немецкой обороны, чем связать немецкие резервы перед нашим контрнаступлением. В качестве целей были предложены Майкоп, Микоян-Шахар (Карачаевск), Пятигорск, населенный пункт Прасковья. Все объекты были заманчивы и перспективны тем, что там расположились крупные штабы против-ика.

В Майкопе размещался штаб 44-го егерского корпуса во главе с командиром, генералом артиллерии де Ангелисом и 49-го горнострелкового корпуса во главе с генералом горных войск Конрадом.

В Микоян-Шахаре (Карачаевск) стоял штаб 17-й полевой армии вермахта генерал-полковника Руоффа.

В Пятигорске располагался штаб 1-й танковой армии, а в Прасковье штаб корпуса Особого назначения «Ф» генерала Фельми.

После нашего прошлогоднего рейда командование вермахта пересмотрело вопросы охраны своих штабов крупных соединений. Так, по данным разведки, штаб корпуса (армии) теперь охранялся минимум несколькими усиленными тяжелым вооружением батальонами, ротой средних танков и несколькими зенитными батареями. Все они располагались в хорошо укрепленных населенных пунктах рядом с крупными гарнизонами своих войск. Так, например, в Майкопе к 10 ноября 1942 года численность оккупационных войск вместе с различными полицейскими формированиями составила 20 тыс. чел.

Так что «орешки», предлагаемые нам, были очень крепкими, расколоть их силами одной бригады, пусть и хорошо подготовленной, было трудно. Поэтому от удара по штабам армий пришлось отказаться. Слишком губительным для бригады показался он мне, да и результат от этого был бы небольшим. Ну, грохнем мы пару сотен старших офицеров вермахта. Ну, на очень непродолжительное время армии лишатся управления, а толку-то – нет ничего. Погибших генералов быстро сменят на более молодых и перспективных, а это привело бы к неизвестным результатам.

Более эффективным мне показался удар по Прасковье, штабу корпуса Особого назначения «Ф», с последующим захватом Невинномыска. Почему туда? Все объяснялось довольно просто. Стоило только посмотреть на карту.

Фронт проходил по линии Малгобек – Ищерская – Ачикулак – Андреев Курган – восточнее нп Урожайное – Левокумское. Далее на север линия фронта практически отсутствовала. Лишь основные населенные пункты были прикрыты заслонами. Разрыв фронта составлял порядка 100 км. Тяжелые условия местности²⁸ не позволяли сомкнуть фланги Северокавказского и Южного фронтов. Поэтому советское командование над этим пространством ограничивалось лишь наблюдениями авиации, действиями кавалерийских разъездов, прикрывавших железную дорогу Кизляр – Астрахань, и небольших партизанских отрядов.

С другой стороны, был открыт левый фланг 1-й немецкой танковой армии, действовавшей против сил Северной группы войск Северокавказского фронта. Между левым флангом 1-й немецкой танковой армии севернее станицы Ищерская в степи, где находились части ее 3-й танковой дивизии, также образовался большой разрыв. Левый фланг противника прикрывался незначительными моторизованными отрядами и кавалерийским полком фон Юнгшульца.

²⁸ Бездонные полупустынные степи.

Гарнизоны немцев имелись в населенных пунктах Левокумское, Владимировка, Ачикулак. Именно здесь держал оборону и ждал своего «звездного» часа корпус особого назначения «Ф» генерала Фельми.

Он был полностью механизирован и располагал возможностью при наступлении германских армий на Ирак вооружить целую дивизию из «добровольцев» и перебежчиков. В нем имелись подразделения и части всех родов войск, что позволяло ему действовать совершенно самостоятельно, без помощи и поддержки других соединений. В соединение входили три усиленных моторизованных батальона, каждый из которых насчитывал до 1000 солдат и офицеров; 1-й и 2-й батальоны были укомплектованы исключительно немцами, солдатами и офицерами вермахта – бывшими солдатами французского Иностранного легиона; 3-й батальон состоял полностью из арабов²⁹.

Каждый моторизованный батальон по составу и вооружению, по своим тактическим и огневым возможностям приравнялся к полку. Кроме того, в корпус входили: приданный отдельный танковый батальон³⁰, авиационный отряд³¹, рота связи, саперная рота, минометная рота, разведывательный отряд на бронемашинах и мотоциклах, кавалерийский эскадрон, взвод метеорологической службы, колонна автомобилей³².

Артиллерия состояла из дивизиона пушек четырехбатарейного состава, приданной батареи 105-миллиметровых штурмовых орудий, тяжелого зенитного дивизиона трехбатарейного состава и легкого зенитного дивизиона 20-миллиметровых пушек.

Опознавательным знаком личного состава корпуса «Ф» было изображение «овального венка, в венке – склоненная пальма, восходящее солнце над желтым песком пустыни, а внизу изображение черной свастики».

Численность корпуса³³ первоначально составляла около 6 тысяч солдат и офицеров. После переброски корпуса на Кавказ он был развернут в еще большее соединение; ему были дополнительно приданы танковый батальон, кавалерийский полк и другие подразделения.

Личный состав корпуса «Ф», помимо военной и политической подготовки, занимался изучением географии и истории стран Ближнего и Среднего Востока (особенно Ирана и арабских стран, а также Индии). За короткий срок солдаты изучили рельеф и природные условия этого региона, начиная от советско-иранской границы и кончая Индией. Солдаты и офицеры были обучены турецкому, персидскому, арабскому и другим восточным языкам; кроме того, они знали французский и английский, а солдаты – выходцы из ближневосточных стран (кроме студентов) были обучены немецкому языку.

Первоначально корпус особого назначения «Ф» должен был выступить как ударно-штурмовое соединение и политический центр похода германских войск на Кавказ и страны Ближнего и Среднего Востока. Личному составу корпуса вменялось в обязанность проводить разведывательно-диверсионную, пропагандистско-агитационную работу, заниматься подготовкой антисоветских восстаний на Кавказе.

По имеющимся данным, Верховное главное командование вермахта поставило перед командиром корпуса генералом Фельми двойную задачу:

1) двигаться под строжайшим секретом вслед за группой армий «А» на Иран двумя путями – через Баку и по Военно-Грузинской дороге, в зависимости от того, где быстрее обозначится успех;

²⁹ Иракцев, сирийцев, палестинцев, трансирданцев, ливийцев и арабов из стран Магриба.

³⁰ 25 средних и легких танков.

³¹ 25 самолетов.

³² В основном модели «Опель-Блиц».

³³ Реально усиленной бригады.

2) оказать помощь 1-й танковой армии, встретившей упорное сопротивление советских войск Северной группы Закавказского фронта и двух гвардейских казачьих кавалерийских корпусов (Кубанского и Донского) генералов Кириченко и Селиванова.

15 октября 1942 года корпус особого назначения «Ф», спешно усиленный 1-м танковым батальоном 201-го танкового полка, впервые вступил в бой на северном фланге 1-й немецкой танковой армии и севернее Ачикулак с частями 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Здесь против корпуса «Ф» сражался также сводный Ставропольский партизанский полк под командованием Однокозова.

Вплоть до 31 октября 1942 года части 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, не имевшие в своем распоряжении танков и достаточной артиллерии, храбро сражались с превосходящими танковыми и моторизованными соединениями корпуса «Ф». Эти бои показали, что корпус «Ф» не смог осуществить против 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса сколько-нибудь эффективных боевых действий.

После тяжелых боев командование 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, учитывая неспособность конницы в силу ее специфики прорывать сильно укрепленные позиции и имея в виду труднейшие условия степного – безводного и полупустынного – театра военных действий, решило отвести части корпуса в район населенных пунктов «Махмуд-Мектеб», «Тукуй-Мектеб» и «Березкин». Впоследствии части корпуса были отведены в район «Терекли-Мектеб» (Дагестанская АССР), откуда планировалось прикрытие им Кизлярско-Астраханской железной дороги.

Своими активными боевыми действиями 4-й гвардейский казачий кавкорпус сорвал наступление корпуса «Ф», который имел цель перерезать железную дорогу Кизляр – Астрахань, и германское командование уже не стремилось к осуществлению поставленной фюрером важной задачи стратегического значения. Корпус «Ф» понес столь большие потери, что продолжать свое наступление уже не мог и перешел к обороне. По данным разведки, корпус «Ф» в течение ноября получил подкрепления и восстановил свой боевой потенциал.

Главными пунктами сосредоточения «степной» группировки генерала Фельми и их опорными узлами были укрепленные населенные пункты Ага-Батырь, Нортон, Сунженский, Иргакли, Ачикулак.

30 ноября войска ударной группы нашей 44-й армии перешли в наступление в направлении на Моздок и южнее НП Ищерская. Целью этого удара было ослабить корпус особого назначения «Ф» и другие соединения и части 1-й танковой армии на направлении главного удара наших войск и создать благоприятные условия для дальнейших наступательных операций.

С первых дней наступления бои носили ожесточенный характер. Группе противника, которой командовал командир корпуса «Ф» генерал Фельми, из резерва Главного командования вермахта были дополнительно приданы еще три дивизиона артиллерии.

Для усиления правого фланга Северной группы войск Северокавказского фронта и наращивания сил при развитии наступления на северный берег реки Терек 1 декабря 1942 года были выдвинуты 320-я и 233-я азербайджанская стрелковые дивизии. С этой же целью из 44-й армии была переброшена в район станции Терек 409-я армянская стрелковая дивизия. Однако это не смогло переломить ситуацию. Прорвать оборону противника не удалось.

Утром 4 декабря после мощной авиационной и артиллерийской подготовки 2-я румынская горнострелковая дивизия, усиленная немецкими танковыми и пехотными подразделениями, под прикрытием дымовой завесы переправившись через реку Баксан, ударила по стыку наших 295-й и 392-й стрелковых дивизий и перешла в наступление общим направлением на Нальчик. Немецкий удар здесь ждали. (Ой, не зря я об этом Иосифу Виссарионовичу писал! Совсем не зря!) Оборона города и этого направления была усилена танковой бригадой, дивизией НКВД и противотанкистами. Второй день на подступах к городу шли упорные бои.

В связи с угрозой прорыва нашей обороны был усилен и внешний контур обороны Орджоникидзе (Владикавказа). Сюда были направлены силы 10-го стрелкового корпуса.

По сообщению разведки, части 3-го танкового корпуса вермахта в районе Майское, Котляревская готовились нанести свой удар в направлении Орджоникидзе (Владикавказ). Для этого немцы сосредоточили здесь свои наиболее боеготовые силы – 13-ю и 23-ю танковые дивизии, имевшие в своем составе до 200 танков.

Так вот мое предложение о нанесении удара было обусловлено послезнанием истории и фактическим положением дел на фронте. Я предложил нанести удар по Невинномыску – крупной железнодорожной станции снабжения всей группы войск, действующей на Кавказе, в том числе и на Нальчику-Орджоникидзевском (Владикавказском) направлении. Обосновывал свое предложение тем, что для обеспечения продвижения своих частей группы армий «А» противник для доставки грузов, в том числе и ГСМ, вынужден использовать автотранспорт и верблюжьи караваны. Коммуникации врага настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, тратили в пути большую часть груза. Поэтому доставляемых с ж-д станций ГСМ войскам не хватало, из-за этого значительная часть авто – и бронетехники врага стояла на приколе. Перехватив линии снабжения даже на небольшое время, мы могли рассчитывать на остановку наступления противника и практически полную утрату подвижности ударных подразделений врага. Если действия моей бригады будут поддержаны ударами с фронта и флангов 1-й танковой армии вермахта, то врагу не останется ничего другого, как снимать подразделения с Майкопского направления или брать их из корпуса «Ф» и бросать против нас. В первом случае это даст возможность Черноморской группе войск ударить на Майкоп. Во втором ослабит фронт обороны корпуса генерала Фельми, что позволит нанести по нему удар нашими подвижными соединениями. Например, Донским и Кубанским казачьими корпусами или кем еще. Целью этого удара будет обход корпуса «Ф», освобождение Ворошиловска (Ставрополя), ну и помощь нам. В случае успеха можно будет рассматривать вопрос об окружении сил 1-й танковой армии врага. В случае неудачи таких ударов мы будем держаться как можно дольше, а затем уничтожим мосты через Кубань и отступим в горы.

– Что ж, стоит признать, Владимир Николаевич ваше предложение более интересно, чем мы задумывали, – после некоторого раздумья признал Судоплатов.

– Согласен с вами, Павел Анатольевич. Когда вы можете быть готовы к проведению операции? – спросил у меня представитель Генштаба.

– В течение суток можем выслать группу разведки и корректировки. К исходу вторых суток начать переброску подразделений бригады.

– Участие в операции примет вся ваша часть?

– Нет. Мы не сможем быстро сменить подразделения на заставах в горах и снять батальоны, задействованные в обороне Орджоникидзе, а также самоходно-артиллерийские и бронетанковые подразделения.

– То есть у вас будет всего один-два батальона?

– Если говорить точно, то я бы хотел задействовать следующие свои подразделения – два штурмовых батальона, те, что стоят сейчас в Орджоникидзе. Батальон автоматчиков из Грозного, отдельный минометный дивизион³⁴. Плюс разведрота, рота противотанковых ружей, взвод ПВО³⁵, отдельный батальон связи, саперная рота, медико-санитарная рота, комендантский взвод, подразделения боевого и материального обеспечения. Было бы неплохо забросить к нам наши артиллерийские подразделения – истребительно-противотанковый³⁶ и артиллерийский³⁷ дивизионы, батальонные батареи 45-мм орудий³⁸ и минометные роты³⁹.

³⁴ 16 минометов калибра 82 мм и 8 минометов калибра 120 мм.

³⁵ 8 пулеметов калибра 12,7 мм.

³⁶ 12 пушек калибра 57 мм.

- Запросы у тебя, Седов. Как у Наполеона.
- Уж какие есть. Без тяжелого вооружения и значительного запаса боеприпасов мы не сможем долго удерживать город в своих руках.
- Придется задействовать всю транспортную и бомбардировочную авиацию 4-й и 5-й воздушных армий для доставки личного состава и необходимых грузов. В Невинномысске есть аэродром, построенный для приема наших бомбардировщиков. По сообщению разведки, аэродром врагом не используется. Если это так, то значительную часть бригады можно будет высадить посадочным способом, – задумчиво склонив голову над листом бумаги и что-то там чиркая, сказал генерал-майор Штеменко. – Где вы собираетесь собрать личный состав бригады?
- В Грозном. Там уже стоит один из моих батальонов, есть группа авианаводчиков и егерей, способных провести необходимую разведку.
- Что ж, место действительно удобное. Тем более что на авиаузле «Грозный» сейчас находится 219-я бомбардировочная авиадивизия. У нее на вооружении «Пе-2» в 366-й бап и «Бостоны» в 244-м и 859-м бапах, – просматривая свои записи, сказал Штеменко.
- Насколько я знаю, использовать «Пе-2» и «А-20» «Бостоны» в качестве транспортных смысла нет. Нам бы лучше подошли «ТБ-3» или «ПС-84». Первый может взлетать с переполненных полей, садиться в снег глубиной до метра. Везит на внешней подвеске тяжелые негабаритные грузы, в том числе грузовики «ГАЗ-АА», артиллерию, танкетки. Между стойками шасси в собранном виде могли уместиться зенитное орудие. Второй берет несколько большее количество бойцов и груза.
- Понятно. Я этого не учел. Самолетами «ПС-84» оснащен 325-й полк авиации дальнего действия.
- По опыту прошлого года, для того чтобы высадить все подразделения, потребуется около 40 «ПС-84» и 22 «ТБ-3». На переброску личного состава и вооружения им потребуется четверо суток при двух-трех вылетах в день. Для доставки остальных грузов можно использовать «Бостоны» и СБ. Парашюты потом можно будет возвращать с транспортниками.
- Вы сможете столько времени удерживать город?
- Постараемся. Все будет зависеть от того, кто на нас навалится – пехота или танки. И главное – будет ли для нас воздушное прикрытие. Кубань прикроет нас с юга, ну а атаки с севера постараемся отразить. В любом случае, уничтожив автомобильный и железнодорожные мосты через Кубань и Большой Зеленчук, мы минимум на месяц сорвем поставки войскам врага. Нам желательно иметь проводников, хорошо знающих город и окрестности, а также подробные карты местности.
- Проводников мы вам найдем. В том районе Ставрополя действует небольшой партизанский отряд. В городе есть наши люди. Кроме того, часть бойцов 66-го полка НКВД, державшего оборону города, сейчас находится в Орджоникидзе. Их тоже можно использовать в качестве проводников. Картами, я надеюсь, вас снабдит товарищ генерал-майор.
- Сделаем. Приготовьте список всего, что вам необходимо, и выезжайте к себе в часть. Начинайте сбор личного состава и готовьте разведгруппу к заброске. Я доложу ваши предложения Военному Совету фронта и Генштабу...

³⁷ Восемь 76-мм орудий.

³⁸ По 4 единицы на батальон.

³⁹ По 9 минометов калибра 82 мм на батальон.

Глава 6

Из дневника ефрейтора Вилли Вольфзангера (реал. ист.)

...В начале декабря 1942 года рота прибыла на Кавказ. Так началось наше боевое крещение. Впервые мы услышали свист снарядов, треск пулеметов, рев минометных установок и разрывы гранат. И это уже была не игра. До этих пор, кроме сожженных деревень, подбитой техники, могил и пожаров на нашем пути, мы не видели настоящей войны. Правда, она уже тогда показала нам свое лицо. Однако теперь на наших глазах атакующие солдаты, сраженные пулями, падали на сырую землю. Лилась кровь, и брели по дорогам раненые. И если ранее мы не сделали из наших винтовок ни одного выстрела, то сейчас они уже пошли в дело.

В первый же день, выйдя на линию фронта, мы атаковали одну из деревень. Защищавшие ее русские быстро оставили свои позиции и бежали. Впрочем, и я потерял мою роту. Когда мы выходили из грузовиков, которые оставались в укрытии, я увидел плачущего солдата, который сидел в снегу. Он отморозил ноги и был не в силах идти дальше. Лошадь, которую он вел, упала. Я с трудом поднял ее, вывел на улицу и по следам добрался до деревни. Замерзший, постучался в первый же дом и попросил дать мне чего-нибудь поесть. Я не знал, что несколькими домами дальше ночевали русские солдаты, которых разбудили выстрелы нашей атакующей роты.

На следующее утро я присоединился к своим. Вскоре нас обстрелял показавшийся у станции бронепоезд, и мы зарылись по шеи в снег. Ничего другого не оставалось, как только молиться. Но мы не молились о спасении своей жизни, мы просили у Бога только того, чтобы он придал нам мужества, которое позволило бы нам сохранить гордость мужчины, а не труса. Трусость была хуже смерти, и даже я, мирный человек, презирал каждого, который дрожал за жизнь и хотел избежать своей судьбы. Я был готов к любым испытаниям. Таков был смысл нашего существования в то время. И в душе среди всего этого ужаса и хаоса продолжало оставаться чувство какой-то детской бравады.

Наши орудия ничего не могли сделать с этим стальным чудовищем, которое, однако, вечером ушло вслед за отступающими русскими войсками. В полночь мы уже шли по улицам занятой деревни мимо горящих домов и изб, нарушив мирный сон местных жителей. Голодные солдаты входили в уцелевшие дома, и крестьяне выносили им хлеб и молоко. Но этого военным было недостаточно. Солдаты хотели меда – и находили его, разоряя ульи, – муки и сала. Крестьяне умоляли оставить им хоть что-нибудь на пропитание, женщины плакали. В страхе перед голодной смертью один из крестьян попытался отнять у солдата награбленное, но тот размозил ему череп прикладом винтовки, застрелил женщину и в ярости поджег дом. Шальной пулей он был убит в ту же ночь. Впрочем, мы не искали божьего суда на войне.

На второй день русские упорно оборонялись. Только шаг за шагом наши части продвигались вперед. Я оставался в обозе с пулеметом, защищая машины с боеприпасами. Бесконечные часы стояли мы в снегу и ледяной каше на сильном ветру и ели замерзший сотовый мед. Хлеба и воды нам не хватало. Я уже не чувствовал ног. Солдаты отморозили пальцы ног, уши и руки, когда носили ящики с боеприпасами. Они порой не замечали, как кровь застывала в конечностях. Часами должны были они лежать неподвижно в снегу, в то время как снаряды противника со свистом пролетали над ними. Сначала мы были злы и чрезмерно раздражительны, но потом становились безразличными ко всему и тупыми. Наконец нашим войскам удалось продвинуться. Был захвачен небольшой хутор, но русские сожгли его перед своим отступлением. Мы нашли солому, расстелили ее в овражке, положили плащ-палатки и заснули, прижавшись друг к другу. Ноги были ледяными, но сон оказался сильнее холода. Но те, кто приходил с передовых позиций, не решались ложиться. Они видели наши побелевшие лбы и справедливо опасались тотального обморожения. В конце концов они растолкали нас. Зажгли костры, сгруппировались вокруг и время от времени бегали, не отходя от огня, ожидая наступления дня. Тьму

ночи прорезывали кроваво-красные огни горящих вокруг деревень, лишь холмы оставались невидимыми. Над ними звучал непрерывный гром разрывающихся снарядов. Эта обстановка приводила меня к какому-то странному безразличию.

Поступил приказ к дальнейшему продвижению. Мы вышли и вскоре заняли первые высоты без какого-либо сопротивления русских. Я, нагруженный пулеметом, отстал вместе с двумя приятелями, так как мы очень ослабли во время ночевки в деревне и не могли выдерживать темпа марша. С холмов был виден маленький город в долине и ряды домов на высотах вокруг него.

Мы лежали в снегу среди группы пехотинцев из другой части. Русские вели беспорядочный стрелковый огонь, который в любой момент мог накрыть нас. Мы вынуждены были лежать неподвижно, не предпринимая никаких действий, и были совершенно беззащитны. Не что иное, как пушечное мясо.

Внезапно один из нас поднялся. Никто не давал такой команды, но мы вскочили вслед за ним, облегченно вздохнув. Этот поступок был совершенно неосознанным и вовсе не свидетельствовал о нашей храбрости. Просто мы уже не могли лежать в снегу, измотанными от холода и безделья, в каком-то напрасном ожидании. Нас охватило безумие, радость от возможности двигаться, какое-то воодушевление и скорее даже опьянение. Мы не боялись ни смерти, ни опасности, хотя действия наши были бессмысленными.

Некоторые из нас падали, сраженные пулями. Раздавались крики раненых. Но мы ни на что не обращали внимания и как одержимые бросились в атаку на врага. В конце концов, несмотря на пулеметный огонь и снаряды, ложившиеся вокруг нас, достигли окраины города и вломились в первые же дома. Безжалостно расстреливали жителей и спешно нагружали вещи мешками легкой добычей: медом, салом, сахаром, свежим хлебом. В это же время в соседнем доме русские оказали решительное сопротивление нашим солдатам и не оставили никого в живых.

В конце концов русские оставили город. Наступила ночь. Наши части занимали горящие фабрики и элеваторы. Мосты взлетали на воздух, минометы еще продолжали обстреливать нас, но мы уже не заботились об этом.

Мы заходили в дома и погружались в сон, даже не выставляя часовых.

На следующий день мы увидели руины горевших домов. Улицы были покрыты мусором, битым кирпичом, осколками стекла и обугленными балками. Мы наслаждались днями отдыха.

В первую ночь простые люди отнеслись к нам радушно. Они угощали нас, стирали мундиры, одалживали свои подушки и одеяла, как в хорошем лагере. Мы относились к этому с пониманием и безгранично доверяли им. Эти дни проходили как во сне. Если мы и вспоминали о боях, то чувствовали какую-то смесь ужаса и разочарования. Борьба, опасности и близость смерти теперь уже не пугали нас, и мы не думали об ужасах войны. Она не потрясала и, пожалуй, даже увлекала, хотя ужас преследовал нас повсюду. Мы не знали, ожидали ли нас жестокие сражения, разочаровала ли быстрая победа. И все же какой-то внутренний голос утверждал, что для нас было бы лучше попасть в плен или получить ранение. Не бои заставляли нас страдать, а морозы и ожидание чего-то неизвестного. Лишь после того, как мы долго пробыли на войне, ужас стал охватывать нас при виде множества убитых и умирающих вокруг.

В то время я сумел быстро преодолеть себя. Старался по возможности оставаться в одиночестве, пребывал в бескрайней апатии и старался, чтобы меня ничего не задевало...

Мы остановились в доме, где жили две молодые женщины, которых мы называли дочерьми мировой революции. Их гордость вопреки простоте обращения производила на нас большое впечатление. Они как будто бы чувствовали союз, который связывал их ровесников, в то время как война разделяла их. У нас с ними было много сходного в их желаниях, настроениях и умении находить с чужими людьми общий язык. Некоторая таинственность не мешала нам жить с ними в мире. Мне даже хотелось бы встретить их в конце войны.

С нашим реквизированным медом, хлебом и картофелем мы готовили с ними совместный праздничный обед, весело болтая о чем попало.

Последний вечер в Стешигри мы провели в семье землевладельца, которая всю свою жизнь занималась жилищным строительством. Хозяин показывал нам альбом фотографий дореволюционного времени. Сильный здоровый старик дворянского происхождения и патриархальных взглядов представил своих дочерей, нежных, простых девушек, которых он держал в своих руках, как будто бы они все вместе нашли убежище в этом чуждом для них мире и старательно оберегали свое прошлое, свою ушедшую молодость. Он сначала насмешливо спел «Интернационал», а затем сквозь слезы Царский гимн, песню о Стеньке Разине и духовные песнопения.

С его женой я говорил на французском языке. Знала она его неважно и говорила с робостью. Ее лицо все еще было прекрасно, однако сильно увяло от пережитого горя. От нее я узнал об экспроприации в Советской России, нелюбимой работе и растущей нужде. Сына ее сослали в Сибирь, об участии своей дочери в Одессе, состоящей там в браке, она не знала. Фотографии, сохранившиеся от лучшего для этой семьи времени, вызвали наше любопытство. Мы выражали свое сочувствие этой семье. Мы еще не понимали, как с установлением нового порядка и новой жизни Россия могла отказаться от такого ценного прошлого.

Затем двинулись дальше на исходные рубежи...

Глава 7

Невинномысск

*...День придет, решительным ударом
В бой пойдет народ в последний раз.
И тогда мы скажем, что недаром
Мы стояли насмерть за Кавказ...*

(Из «Баксанской песни»)

Из газеты «Комсомольская правда» (реал. ист.)

...Братья-близнецы Иван и Дмитрий Остапенко были родом из Луганской области. В начале войны их призвали в РККА, но отправили не на фронт, а на курсы бронбойщиков, после чего определили служить в мирное еще тогда Закавказье, где, правда, в любой момент могла начаться война с турками. Лишь осенью 1942 г. настала очередь отправляться на фронт и 10-й гвардейской стрелковой бригаде, где служили братья.

Бригаду включили в состав 9-й армии генерала Коротеева и направили в Северную Осетию. В те дни немецкому командованию удалось скрытно произвести перегруппировку 1-й танковой армии группы армий «А» и сосредоточить ее основные силы (2 танковые и 1 моторизованную дивизии) на Нальчикском направлении для захвата Орджоникидзе, чтобы затем развить удар на Грозный и Баку и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси. На шестикилометровом участке прорыва враг создал трехкратное превосходство в людях, одиннадцатикратное превосходство в орудиях, десятикратное в минометах и абсолютное превосходство в танках. Последнее означает, что танков 37-я армия, противостоявшая немцам на этом участке, вообще не имела.

Прорвав фронт, немцы и румыны... вышли на подступы к городу Орджоникидзе (Владикавказу). Это была самая восточная точка, до которой дошло немецкое военное соединение. Однако... наступление противника было остановлено, а на следующий день начались контрудары советских войск.

Благодаря успешному продвижению 11-го гвардейского стрелкового корпуса основные силы 23-й танковой дивизии немцев оказались почти полностью окруженными. У них оставался лишь узкий коридор в районе Майрамадага шириной в три километра. Танки устремились в этот коридор, но на их пути встали бойцы 10-й гвардейской стрелковой бригады, в которой и служили братья-бронбойщики. Ни танков, ни противотанковых орудий в бригаде не было. Вся тяжесть борьбы с танками легла на наших бронбойщиков.

Как только немецкие танки подошли на стометровое расстояние, бронбойщики ударили из своих ружей. Дмитрий Остапенко первой же пулей угодил в башню ведущего танка. Танк клюнул носом и окутался облаком черного дыма. Открылся люк. Из него вырвалось пламя, и сноп искр взлетел к небу. Это рвались немецкие боеприпасы. Горящий танк преградил путь другим машинам. У немцев возникло замешательство. Этим умело воспользовался Дмитрий. Он стрелял то по одному, то по другому танку. Пуля Дмитрия перебила гусеницу одного из танков, и машина завертелась на месте. Еще один танк Дмитрий поджег, всадив пулю в моторную группу. На выскакивающих из люков солдат и офицеров Дмитрий не обращал внимания: беглецов, так же как и автоматчиков, сидевших на броне, уничтожал пулеметчик Портянкин. С другого конца окопа доносились выстрелы из бронбойки другого брата – Ивана. С каждой минутой подбитых танков становилось все больше и больше. Немецких танкистов объял животный страх. Они повернули назад.

В этом трудном бою Дмитрий истребил восемь танков противника, но прошло немного времени, и вдали снова загрохотали вражеские танки. Против наших войск двигалась новая большая группа немецких танков.

На этот раз Дмитрий действовал с еще большим искусством. Подпуская танки на пристрелянную дистанцию, он бил, как снайпер. Ни одна его пуля не прошла мимо цели. Однако в самый ответственный момент боя патроны закончились. На окоп Дмитрия напал Pz.Kpfw.IV и начал его утюжить. Дмитрий успел перебраться в соседнюю ячейку и оттуда открыл огонь из ППШ⁴⁰ по немецкой пехоте. Тут его заметили немецкие танкисты, и в Дмитрия полетел 75-миллиметровый снаряд. Взрывом Дмитрий был контужен и после боя попал в плен.

Иван же вместе с поредевшим подразделением отошел на новые позиции, где немецкие танки были окончательно остановлены.

Отрезанные под Орджоникидзе немецкие части были полностью разгромлены. Нашими войсками было захвачено 140 танков, 70 орудий разных калибров и другие трофеи. Немецко-румынские части потеряли только убитыми свыше 5000 солдат и офицеров.

Когда подсчитали танки, подбитые в этом бою, то оказалось, что Дмитрий подбил 12 танков, а Иван – восемь. Ивану за этот бой дали орден Ленина. Эту же награду получил и пулеметчик Портянкин. Дмитрию же посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Однако вскоре Дмитрий Остапенко бежал из плена и оказался в распоряжении наших войск. Свою звезду Героя Дмитрий Остапенко получил в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина. Пожимая руку герою, Михаил Иванович улыбнулся и сказал: «Дважды рожденный, поздравляю!»

* * *

Отправили нас в тыл к немцам в ночь на пятый день немецкого наступления. Когда уже было точно установлено направление главного удара врага – Ардон – Чикола – Алагир – Гизель – Орджоникидзе, а также введение им в бой 5-й СС-панцергренадерской дивизии «Викинг»⁴¹. К этому времени 23-я тд вермахта после тяжелого боя взяла штурмом Алагир и Салугардон. 13-я тд захватила Фиагдон. Противник, наступая силами до 100 танков и мотопехотой, прорвал внешний обвод Владикавказского укрепленного района на участке Фиагдон, Дзуарикау, а его передовые части переправились через р. Гизель-Дон (Архонка) и вышли в район Гизель.

Я уж думал, что мы так и останемся стоять в резерве фронта и что зря выдернул из Орджа 2-й штурмовой батальон, остальные подразделения, запланированные мной для участия в операции, провел смену егерей с горных застав на бойцов Грозненского полка НКВД. Провел с командирами подразделений игру на картах и заставил их отрабатывать с бойцами бой в городе. Вместе с начальником инженерной службы прикинули планы минирования и прикрытия, восстановления старых оборонительных укреплений... Ан нет!

Судоплатов приехал в Грозный вместе со Штеменко во второй половине дня 8 декабря, дал команду на сбор и сразу же повез меня на аэродром на встречу с командиром бомбардировочной авиадивизии и командиром транспортного авиаполка. Где взяли быка за рога – что меня, что летунов, сообщив всем собравшимся о начале операции.

Мое предложение по захвату Невинномыска было одобрено на всех уровнях. А раз так, то нам нечего сидеть в Грозном – сегодня же в дорогу. Бойцы, сидевшие в автобусе, прибывшем вместе с комиссаром ГБ, были нашими проводниками.

Оказывается, сразу же после обсуждения моего предложения в Тбилиси, не ожидая одобрения высшего командования, в район Невинномыска была заброшена разведгруппа.

⁴⁰ Пистолет-пулемет Шпагина.

⁴¹ 5. SS-Panzergrnadier-Division «Wiking».

Несколько партизанских отрядов было выдвинуто к Минводам, Ворошиловску (Ставрополю), Майкопу и Горячему Ключу с задачей контроля за перемещением войск противника и организации диверсий на дорогах. А на аэродромы Грозненского авиаузла были собраны все транспортные борты, имевшиеся в распоряжении фронта и Черноморского флота. Для нас сняли даже те самолеты, что работали на обеспечении Севастополя.

Летуны в наше распоряжение предоставили 3 трофейных «Ю-52», 24 транспортных «ПС-84» и 5 «ТБ-3», два бомбардировочных полка⁴² на «Бостонах» и 926 иап на самолетах «ЛаГГ-3» для истребительного сопровождения.

Планировалось, что под прикрытием истребителей один из бомбардировочных полков нанесет удар по железнодорожной станции Минвод, второй по Ставрополю. Ну а мы под этот шумок должны были посадочным способом высадиться на аэродроме в Невинномыске и захватить городок. Разведка подтверждала возможность посадки самолетов на аэродром и должна была его подсветить. Именно для захвата аэродрома и высадки боевой группы выделялись трофейные «Юнкеры». Летный и штурманский состав для операции подобрали из числа тех, кто хоть раз, но бывал на аэродроме в Невинномыске.

С наступлением сумерек все и началось.

Первыми на «Юнкерах» ушла одетая под немецких десантников группа Дорохова и авианаводчики. Через полчаса следом за ними поднялись «ТБ-3», несущие противотанковые орудия и их расчеты; еще через 10 минут стартовали первая волна десанта и бомбардировщики. Следующая волна должна была вылететь через час. Остальные по графику и возвращению бортов.

Захват аэродрома и высадка десанта прошли более чем успешно.

«Юнкеры», неся положенные бортовые огни, прошли над городком, развернулись и спокойно с включенными фарами сели на заснеженном аэродроме. Не выключая двигатели, разгрузились и тут же вылетели в обратном направлении.

Дорохов со своими парнями занял аэродром без боя. Воевать было не с кем! Немецко-румынский гарнизон аэродромом не интересовался, охраны тут не держал, пост был лишь на выезде из городка в нескольких кварталах от аэродрома. Разведчики, встретив моих парней, сразу же повели их к позициям зенитчиков, прикрывавших жд станцию «Невинномысская» и мосты через Кубань. Действуя «безшумками», «дороховцы» смогли уничтожить дежурные расчеты батареи у жд станции, охрану у барачных с военопленными и два патруля вспомогательной полиции, прогуливавшиеся по станции. Без шума и крика удалось захватить капитана коменданта, командира зенитного дивизиона и майора – командира железнодорожного батальона, прибывших на аэродром выяснить причину происходящего. Поэтому посадка десятка транспортников прошла в спокойной обстановке.

Ну а дальше был бой с охраной мостов через Кубань и постов на выезде из городка, захват казарм гарнизона и железнодорожников, отделения гестапо и вспомогательной полиции, эшелонов, стоящих на путях, складов, господствующей над городом горы Невинской с расположенной там зенитной батареей и наблюдательным пунктом. В основном это удалось сделать быстро и тихо. Только и пошумели, когда брали охрану мостов и зенитчиков на западном берегу. Очень уж там были бдительные часовые и дежурные у орудий, даже стрелять собирались. Правда, это им не сильно помогло. Все там полегли.

Не помогло врагу правильное несение караульной службы и часовым у склада артиллерийских боеприпасов. Мои парни оказались лучше подготовленными, да и против крупнокалиберных пулеметов не все стены помогают. Саперам и остальным не занятым в истреблении врага бойцам сразу же нашлось дело – использовать хранящиеся на складе снаряды для минирования подходов к городку.

⁴² 859-й бап и 244-й бап.

В качестве трофеев на жд станции «Невинномысская» нам досталось восемь паровозов, два десятка пустых вагонов, несколько эшелонов с топливом, продовольствием и бронетехникой. Все это тоже пошло в дело.

Еще два жд состава мы взяли на станции «Зеленчук». Один был с эвакуируемым имуществом 1-й танковой армии, второй с тяжелоранеными. Имущество-то, понятное дело, нам пригодилось, а вот эшелон с ранеными доставил хлопот. Куда их девать? Не было у меня возможности заниматься их отправкой к нам в тыл. Со своими ранеными бы разобраться!

Вроде и боя как такового не было, а шесть убитых и два десятка раненых набралось. Хорошо, что хоть половина раненых была с легкими осколочными ранениями, остались в строю и занялись фильтром бывших военнопленных. Остальных пришлось отправлять в госпиталь Грозного. Вместе с ранеными отправили и часть захваченных пленных.

Тем не менее решать вопрос с находящимися в поезде ранеными надо было по-любому, но и сообщать врагу о том, что мы заняли станцию, было еще рано. Поэтому приняли решение пока поддержать эшелон под охраной на станции, а там посмотрим.

Перечень захваченных бронетрофеев очень обрадовал. У нас в распоряжении оказались: пять САУ «Marder II»⁴³, шесть «троечек», оснащенные длинноствольной пушкой 5 см KwK39 L/60⁴⁴ и две «четверки» с длинноствольной пушкой 7,5 см KwK 40 L/43 (48), бортовыми экранами и грушевидным дульным тормозом⁴⁵. Эти машины шли на укомплектование моторизованной дивизии «Викинг» и 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии. Классные трофеи. Тем более что среди моих бойцов хватало прошедших обучение на них (зря мы, что ли, их обучали пользоваться трофейным вооружением), пусть и более ранних моделей.

Пришлось срочно собирать экипажи и ставить им боевые задачи на Минводовском направлении.

Нашлась работа и для моего почти что штатного специалиста по бронепоездам – Сафонов. Вагоны и паровозы есть, орудия, пулеметы и пара свободных танков тоже. Освобожденные из плена бойцы и командиры, а также железнодорожники из местного депо тоже присутствуют. Так что вперед формироваться и в бой, а то у меня тут три неприкрытые жд ветки и столько же крупных железнодорожных мостов имеется.

Всего кроме вышеперечисленного в качестве трофеев нам досталось 16 зенитных орудий, 9 бронетранспортеров, 63 автомашины, 20 мотоциклов, 34 пулемета, около 800 автоматов и винтовок, 4 склада с продовольствием, боеприпасами и топливом.

Операция шла по графику. Транспортные самолеты все прибывали и, не задерживаясь, выгружались.

Прибывшие с первой волной противотанкисты с группой прикрытия сразу же после захвата города на трофейных немецких гусеничных бронетранспортерах ушли в сторону станции Барсуковской, чтобы в районе Закубанского леса оседлать перекресток дорог на Ворошиловск (Ставрополь) и Армавир. Именно оттуда я ждал первые отряды противника, направленные для помощи гарнизону города.

Следующая батарея заняла позиции в Красной Деревне, прикрывая дорогу на Черкесск.

До утра мы приняли три волны десанта и волну «Бостонов», сбросивших нам на гору Невинскую, где теперь располагался мой штаб, боеприпасы и продовольствие.

Сообщение о первом бое пришло с рассветом. Как я и ожидал, со стороны Ставрополя противник выдвинул разведку – до роты пехоты на БТРах и грузовиках, усиленной двумя легкими танками. Встретили. Накостыляли. Сожгли оба танка и пять грузовиков с пехотой,

⁴³ Нем. «куница», 7,5 см Pak 40 AUF PZ.KPFW.II A-F, «Marder» II (sd.kfz.131), истребитель танков на шасси танков «Pz.Kpfw.II» Ausf. «A-F», вооруженный 75-мм противотанковой пушкой «Pak 40».

⁴⁴ PzKpfw «III Ausf. J».

⁴⁵ «Pz Kpfw IV Ausf F2».

остальные отступили. Преследовать врага я запретил, а вот трофеи собрали. Особенно боеприпасы и продовольствие. Нам неизвестно, сколько тут куковать и что будет с нашим снабжением, а раз так, то, что попало нам на глаза, должно быть оприходовано.

Следующая попытка пробы сил была со стороны Армавира. Ничего не скажу. Хорошая была попытка, умная, с использованием импровизированного бронепоезда из четырех площадок с танками и ротой десанта из числа румынских егерей. Ну, да и мы не лыком шиты. Ждали их. Сафонов успел один артпоезд (по уже установленной традиции названный «Брест») из пары площадок с «Ахт-Ахтами»⁴⁶ и двумя «троечками»⁴⁷ собрать. Так что смог своим огнем не только поддержать штурмовиков в отражении атаки, но и подбить две площадки с танками, заставив врага отцепить поврежденные вагоны и отступить.

Пока была возможность, личный состав врывался в землю, восстанавливая окопы, доты, дзоты на высотах Великокняжеской и Ивановской горе, готовя каменные здания станций к обороне. Все прекрасно понимали, что бой за городок будет жестоким.

Почему немцам он был так важен? Что такого в этом небольшом десятитысячном городе районного подчинения? Вот что о нем писал в своей книге «Марш на Кавказ. Битва за нефть» немецкий историк Вильгельм Тике: «...*Невинномысск имел особое значение. Через него наряду с важной железной дорогой, ведущей с запада на восток, проходит нефтепровод Грозный – Ростов. Здесь начинается Военно-Сухумская дорога, это – отправной пункт коммуникаций с Закавказьем...*»

Именно поэтому я и настаивал на том, чтобы провести операцию именно здесь, и теперь врагу придется напрячь все свои силы, чтобы нас отсюда выбить.

После небольшого раздумья эшелон с ранеными немцами пришлось отправить по назначению – на Армавир. Поступил я так далеко не из гуманных побуждений. Мало нас. Очень мало, и не дай бог враг узнает об этом! Пусть уж немецкий комендант Армавира голову поломает – почему и для чего мы после разгрома его десантной партии отправили по назначению эшелон с ранеными. По-моему, он обязательно этим вопросом озаботит свое начальство, а оно тоже будет «чесать репу» – в чем подвох? Будут пытаться медперсонал поезда и раненых о событиях ночи. А как известно, у страха глаза велики – вот опрашиваемые и расскажут о массовой высадке русского десанта в Невинномыске, раз всю ночь над городом кружили самолеты и страшные русские в штурмовом снаряжении их охраняли и пугали... Рассказы «пассажиров» дополняют сведения «армавирского десанта» и «ставропольских разведчиков». Никто же не отменял «проявление героизма на поле боя» перед превосходящими силами противника. Одна противотанковая батарея в рапорте офицерского состава превратится минимум в артиллерийский полк, а штурмовая рота в батальон. Очень надеюсь, что совместными усилиями немецкое командование придет к выводу – что нас тут не горстка диверсантов, а минимум дивизия. И, отправив к ним раненых, мы поступили «по-рыцарски», стараясь не брать на себя ответственность за их гибель под бомбами в ходе сражения.

Что немцы сделают потом? Сначала дадут команду усилить оборону занимаемых населенных пунктов и вновь вышлют разведку – наземную и воздушную. Наземную мы постараемся встретить и на ноль помножить. А вот с воздушной поиграем. Если будет что-то типа «Шторьха»⁴⁸ – собьем, а вот «раме»⁴⁹ дадим полетать и посмотреть. Особенно на аэродром и оставленные там следы посадок множества бортов, а также поврежденный ТБ. Пусть снимет и наши работы на высотах по подготовке обороны, а также составы с топливом на всех захваченных нами железнодорожных мостах через Кубань и Зеленчук.

⁴⁶ Нем. «Acht-acht», «восемь-восемь», 8,8-cm Flugabwehrkanone 18/36/37, буквально 8,8-см зенитная пушка образца 18/36/37.

⁴⁷ «PzKpfw III Ausf. J».

⁴⁸ Самолет целеуказания и связи Fieseler Fi 156 Storch.

⁴⁹ Тактический разведчик и корректировщик «Focke-Wulf Fw 189 Uhu».

Этим мы выиграем минимум полдня. Нужно же будет полученную информацию обработать штабам. А вот потом наступят тяжелые для нас часы ожидания немецко-румынских войск. Почему именно их? Есть же и другие? Действительно в распоряжении командования 44-го и 49-го корпусов есть словацкие и итальянские горные стрелки. Я, честно говоря, не верю, что их бросят в бой против нас. И вот почему: немцам срочно нужен результат – отбить город и железнодорожную станцию, иначе из-за отсутствия топлива и других видов снабжения их механические и соединения 1-й танковой армии Клейста посетит «песец», что равносильно полному разгрому. Особенно с учетом нашего скорого наступления на Моздокско-Орджоникидзевском направлении. Именно поэтому генерал-полковник Рихард Руофф из имеющихся в его распоряжении 15 дивизий, пехотной и кавалерийской бригад, а также 7 дивизий 3-й румынской армии генерал-полковника Думитреску бросит против нас наиболее подготовленные и проверенные в боях части, которые смогут переломить ситуацию в свою пользу. Самым простым способом для него будет использовать немецких горных егерей из 49-го горного корпуса, тех, что расположились здесь у нас под боком в Черкесске и Минводах. А несколько позже, если мы, конечно, выдержим первый удар, к ним присоединятся их «комрады» из Майкопа – подразделения 44-го корпуса и румынский кавалерийский корпус⁵⁰ плюс 3-я румынская горнопехотная дивизия генерала Фильчинеку. Остальные союзнические же части оккупантов будут в резерве или останутся охранять перевалы в сторону Черного моря.

Реально? Вполне. Что мы имеем в итоге?

В 49-й корпус входят 1-я генерал-лейтенанта Губерта Ланца и 4-я генерала Эгельзера горнопехотные дивизии и эскадрилья дальней разведки В/Ф 121. По сведениям разведки, часть сил этого корпуса была замечена на Орджоникидзевском (Владикавказском) направлении. Вроде как это были части 4-й горнопехотной дивизии⁵¹. То есть против нас могут быть использованы части 1-й горнопехотной дивизии – 98-й, 99-й горнопехотные полки, 79-й горновьючный артиллерийский полк, саперный батальон, а также ряд вспомогательных частей: батальон снабжения, батальон связи, самокатный батальон, противотанковый дивизион, а также полевая жандармерия.

Насколько я помню, немецкий горнопехотный полк образца 1941 года состоит из трех батальонов, противотанковой и штабной рот. Батальон насчитывает около 900 человек и подразделяется на три роты по 150 человек каждая. Рота в свою очередь делится на взводы, секции и отделения (группы) наряду со стрелковым оружием, имеющим 12 ручных, 2 станковых пулемета, три 50-мм миномета, два 81-мм миномета, три ПТР Pz.V39⁵². Кроме линейных подразделений, в состав батальона входят рота тяжелых вооружений и пулеметная рота. В роте тяжелых вооружений есть артиллерийский взвод с двумя 75-мм горными пушками и минометный взвод⁵³, а в пулеметной роте – пулеметный взвод с 12 пулеметами и саперный взвод. В противотанковой роте полка должны быть 9 37-мм и 2 50-мм орудия.

Самокатный батальон горнопехотной дивизии состоит из трех самокатных рот⁵⁴ и роты тяжелого оружия⁵⁵.

В саперном батальоне – три саперные роты.

В артиллерийском полку – два легких (по две батареи с четырьмя 75-мм горными пушками в каждой) и тяжелый (две батареи по четыре 150-мм гаубицы) дивизионы.

В противотанковом дивизионе – три батальона.

⁵⁰ В составе 5-й, 6-й и 9-й кавалерийских дивизий.

⁵¹ 13-й, 91-й горнопехотные полки, 94-й горновьючный арtpолк и другие части.

⁵² Противотанковых ружья.

⁵³ Шесть 81-мм минометов.

⁵⁴ 12 ручных, 2 станковых пулемета, три 50-мм миномета в каждой.

⁵⁵ 8 станковых пулеметов, два 50-мм и шесть 81-мм минометов, два 75-мм пехотных и три 37-мм противотанковых орудия.

В 44-й корпус входят 97-я и 101-я легкопехотные (егерские) дивизии. Каждое подобное соединение состоит из двух пехотных и одного артиллерийского полков, разведывательного и саперного батальонов, противотанкового дивизиона.

Пехотный полк такой дивизии состоит из двух пехотных батальонов и противотанковой роты с двенадцатью 37-мм орудиями ПТО. В июне в состав каждого егерского полка были введены четыре 150-мм пехотных орудия.

В каждом линейном батальоне егерского полка имеется три пехотных (двенадцать ручных пулеметов и три 50-мм миномета), пулеметная (восемь станковых пулеметов, саперный взвод) роты и рота огневой поддержки (шесть 81-мм минометов и два 75-мм горных пехотных орудия).

Разведывательный батальон дивизии состоит из двух самокатных эскадронов (четыре станковых и двенадцать ручных пулеметов, три 50-мм минометов) и противотанкового взвода (три 37-мм противотанковых орудия), а двухротный дивизион ПТО имеет двадцать 37-мм орудий и четыре 20/28-мм противотанковых ружья.

Саперный батальон дивизии трехротного состава.

Два легких трехбатарейных артдивизиона артполка егерской дивизии имеют на вооружении двенадцать 75-мм горных орудий, трехбатарейный легкий дивизион – двенадцать 105-мм гаубиц, двухбатарейный тяжелый дивизион – восемь 150-мм гаубиц.

Разумеется, не все перечисленные дивизионы и подразделения имеют одинаковый состав, участвуя в боях, они понесли потери в людях и технике. Но нам от этого не легче. Не дай бог все вместе на нас навалятся! А вот это вряд ли! Кто-то же должен горный фронт держать.

Хотя... Помнится, в известной мне истории гитлеровское командование даже в самые тяжелые моменты войны старалось в боях не использовать в условиях равнины специальные горнопехотные соединения. Оно учитывало то, что многие офицеры этих соединений имели солидную горную подготовку и обладали опытом ведения боев именно горной войны. И прекрасно понимало, что такие спецна на вес золота и использовать их в линейном бою глупо. А раз так, то вполне реально, что именно сейчас немцы не тронут егерей, а двинут на нас пару полицейских, резервных и маршевых частей, находящихся в тылу. А это, я вам скажу, совсем другой коленкор. Эти части еще с места сдернуть надо и сюда перебросить. Действовать они будут крайне осторожно, стараясь уменьшить свои потери. Так что вполне реально, что противник нам минимум еще сутки спокойной жизни подарит, но на это особо рассчитывать не приходится.

Одно можно сказать с большой долей вероятности: поддерживать наступление на Невинномысск будут части люфтваффе с аэродромов Кореновская, Красноармейская, Краснодар (Краснодар-Центральный), Лабинская, Майкоп, Мирская, Нововеличковская, Тимошевская и Тихорецк. А вот нас – увы, пока фронт к нам не приблизится – никто не прикроет от избиения с воздуха! Потому что далеко и у наших истребителей нет возможности до нас добраться. Хотя Штеменко клятвенно обещал, что наша авиация приложит максимум усилий по разгрому авиации врага на его аэродромах. Но в это несильно верится, так что придется нам как можно глубже зарываться в землю и надеяться только на свои силы и умения использовать трофейные зенитные орудия.

В принципе получилось так, как я и рассчитывал. Противник после получения «подарка» в виде эшелона с ранеными подарил нам лишние сутки относительно спокойной жизни. Не считая же ожидаемых налетов «Юнкерсов» с целью уничтожения аэродрома и ложных позиций противотанкистов в районе станции и на перекрестке дорог за сильное беспокойство. Мы как-никак на войне.

За эти сутки мы успели многое из задуманного: где смогли, восстановили старые и подготовили новые позиции, поставили в строй еще два артпоезда – «Пружаны» и «Барано-

вичи» (бронепоездами их назвать язык не поворачивается), приняли с Большой земли пополнение и восполнили свои запасы.

По сведениям из штаба фронта авиация Черноморской группы войск нанесла удары по основным аэродромам и гарнизонам врага и вообще предупредила, чтобы готовились встречать наши наступающие войска. Что называется, поддержали как могли, и на том спасибо...

А наутро навалились на нас со всех сторон, только успевай отбивать атаки и крутиться, направляя резервные взводы и танкистов на тот или иной угрожаемые участки. Благо с моего НП поле боя было видно как на ладони и радиосвязь с подразделениями действовала безукоризненно...

* * *

– Господин унтерштурмфюрер⁵⁶, у меня что-то есть. Я отмечаю слабый сигнал, но он находится совсем в другой стороне.

– Покажи.

– Вот, пожалуйста. Сигнал идет слева по курсу.

– Да, это похоже на то, что мы искали. Продолжай наблюдение, Пауль. Я переговорю с пилотом, чтобы мы могли подойти к сигналу ближе.

– Обер-ефрейтор, – обратился унтерштурмфюрер СС к пилоту. – Мы обнаружили сигнал, но он находится вон там. Можем сменить курс и пройти в том направлении?

– Да конечно, как скажете. В принципе мы не сильно отклонимся от указанного курса.

– Ну как, Пауль?

– Сигнал стабильный. Похоже, идет вон с той возвышенности. Пусть пилот сделает пару кругов над ней, чтобы можно более точно определиться.

– Хорошо...

– Итак, унтерштурмфюрер, вы утверждаете, что обнаружили устойчивый сигнал в районе города Невинномысска.

– Да, господин гауптштурмфюрер⁵⁷. Сигнал идет с горы Невинская. Мы несколько раз специально пролетали рядом и над целью, чтобы более точно определиться.

– Задали вы мне задачу, Питер. Город захвачен русским десантом. Для того чтобы выйти к цели, потребуется выбить русских с горы. Вы не могли ошибиться?

– Нет. Роттенфюрер⁵⁸ Гаух очень неплохой специалист.

– Я не сомневаюсь в компетенции ваших людей, Питер. Просто хочу получить четкий ответ на свой вопрос. От этого зависит очень многое. Мы не можем ошибаться. Слишком много наших парней в прошлый раз погибло на Эльбрусе. Повторно допустить подобное мы не можем.

– Я все понимаю и утверждаю, что нами обнаружен искомый сигнал.

– Хорошо. Я так и доложу в Берлин и Кенигсберг...

– Господин оберштурмбанфюрер⁵⁹, у нас наступила «Осень».

– Вы уверены?

– Да. Обнаружен устойчивый сигнал, фиксируемый уже несколько дней.

– Прекрасно. Поздравляю вас. Что предпринимаете?

– Пока ведем воздушное наблюдение. «Объект» находится на территории, занятой противником. До вашего указания активных мер предпринимать не будем.

⁵⁶ Нем. SS-Untersturmführer, равен лейтенанту вермахта.

⁵⁷ Нем. SS-Hauptsturmführer, равен гауптману (капитану), ротмистру вермахта.

⁵⁸ Нем. SS-Rottenführer, равен обер-ефрейтору вермахта.

⁵⁹ Нем. SS-Obersturmbannführer, подполковник (оберст-лейтенант).

– Где конкретно находится «объект»?

– На вершине горы Невинская, расположенной в городе Невинномысске. Русские там разместили батарею ПВО и строят оборонительные позиции.

– Вот как. Вы считаете, что они знают об «объекте»?

– Не думаю. Гора господствует над городом. Именно поэтому русские и заняли ее. Батарея расположена в стороне от «объекта». Оборонительные работы ведутся также в стороне. Наблюдателями не зафиксированы какие-либо работы или интерес русских в районе расположения «объекта».

– Хорошо. Я понял вас. Спасибо за новости. Теперь слушайте внимательно.

Немедленно в течение суток эвакуируйте весь – еще раз подчеркиваю – весь свой персонал из Майкопа на станцию Тихорецкая. Возможно, русские в ближайшее время попытаются напасть на Майкоп. Для вас в Тихорецкой уже зарезервированы помещения, а на аэродроме – место и охрана для ваших самолетов. В случае угрозы захвата русскими кого-то из членов экспедиции или тех, кто знает о цели экспедиции, примите соответствующие меры вплоть до ликвидации носителя информации. Подумайте, кого из членов экспедиции стоит вернуть в Германию.

Полеты в район Эльбруса не отменять и продолжать тестирование. Самолет хоть полдня, но должен вести там наблюдение. При необходимости используйте резервный комплект оборудования и запросите для себя еще один самолет.

В отношении «объекта». Продолжайте воздушное, а если будет возможность, то и наземное наблюдение. Договоритесь с командованием воздушного флота о подавлении средств ПВО противника в районе горы. С командованием 17-й армии, я думаю, мы в ближайшее время решим вопрос о блокировании и уничтожении сил русского десанта в районе города. Приготовьте группу захвата из числа подразделений охраны экспедиции, которая должна находиться в передовой линии блокады и быть готовой к немедленным действиям.

– Слушаюсь. Нам может не хватить людей. Потери личного состава после событий на Эльбрусе не восстановлены.

– О пополнении не беспокойтесь. К прибытию экспедиции в Тихорецкую там будут люди для вас. Кроме того, в Сталино (Донецк) находится спецгруппа парашютистов, которая в ближайшее время тоже поступит в ваше распоряжение. Ее перебросят к вам самолетами. Очень надеюсь, что вы на этот раз сделаете все как надо.

– Я сделаю все возможное.

– Держите меня в курсе операции.

– Есть!

Глава 8

Из воспоминаний старшины Кармазина Ю. М. (альт. ист.)

После трех дней боев от батальона в строю осталось не большие роты, тем не менее мы продолжали держаться в здании мельницы и шерстомойной фабрики. Все попытки врага выбить нас заканчивались безрезультатно и с большими потерями для него.

Я к тому времени как старший по званию за ротного был, всего десятком ходячих командовал. Зато каких – почти все из первого состава батальона – брестчане и рейдовцы, орденоносцы, красноберетчики. Одних только сержантов в моем подчинении было шестеро, из которых половина раненых, но отказавшихся уходить в подвал, где размещалась медсанчасть. Мы меж собой из-за красного кирпича, использовавшегося для строительства фабрики, корпус и позиции, где держались, называли «Кольцевой казармой», как в Бресте. Правда, тогда в крепости у нас только винтовки были, а тут 4 пулемета, в том числе два станковых и пара РПГ помогали отбиваться от врага. Да еще боеприпасов и продовольствия было в достатке.

К вечеру того дня немцы выбили наших из Красной деревни и, разместив в ней свои гаубичные и минометные батареи, стали с тыла засыпать фабрику и мельницу своими снарядами и минами, а затем совсем обнаглели и передвинули своих минометчиков и пулеметчиков ближе к берегу, а среди деревьев обосновались их корректировщики. Достать их из-за большой дистанции мы из своих пулеметов не могли, а батальонные минометы к тому времени уже были разбиты. Артпоезд «Брест», что нас поддерживал в эти дни, к тому времени тоже был подбит, его экипаж держал оборону около моста через Кубань и помочь нам уже ничем не мог. У нас сразу возникли проблемы с перемещением между корпусами и позициями, увеличилось количество раненых.

Около полуночи к нам прибыл парторг батальона младший политрук Федоров. Собрав бойцов, он сообщил, что принято решение направить на противоположный берег группу, которая должна уничтожить батареи врага. Пойдут только добровольцы. У нас согласились идти все, но, чтобы не оголять оборону участка, из роты отобрали только троих – меня, гранатометчика Колю Новикова (он один из расчета своего гранатомета остался) и пулеметчика Федора Иванцова.

Всего со всех подразделений батальона отобрали двадцать три человека – взвод. Все «старики», прошедшие огни и воды. Нас собрали в штабе, где и поставили задачу – через час двумя группами переправиться на тот берег.

С собой мы несли боезапас и трофейную взрывчатку, найденную на немецком артиллерийском складе еще в первый день высадки. Для переправы саперы из подручных средств нам плоты сделали и лодки на берегу насобирали. Однако до берега еще надо было добраться, все подходы к реке протреливались врагом.

Подобрав себе плавающее средство, мы бросились к воде. Это не осталось незамеченным. Начался жестокий артиллерийско-минометный огонь, снег почернел. Много наших ребят полегло еще на подходах к берегу реки.

Уже сидя в лодке, Коля Новиков попросил меня поменяться местами. Только пересели – ему осколком снесло череп. А другому – Федору Иванцову – раздробило колено. Я остался в лодке раненым один, вокруг люди тонут, плоты переворачиваются. Кому смог помочь забраться в лодку, и мы на осевшей по самые борта лодке погребли к другому берегу.

Рядом с нами метрах в пяти на плоту гребли пулеметчики Леня Тимофеев, Костя Артемьев, Беитов Умар и еще парторг Федоров. Прямым попаданием мины их разнесло на моих глазах – доски и люди разлетелись в разные стороны...

Под огнем врага мы все же смогли добраться до берега. Выбирались на обледевший берег, помогая друг другу. Вместе со мной из остатков двух групп, начавших форсирование,

добрались 12 человек. Почти сразу же мне осколком раздробило ногу, но я пополз до своих, занимавших круговую оборону среди деревьев. Где-то правее вела бой еще одна группа, успешно переправившаяся через реку и, видимо, уже добравшаяся до немецких пулеметчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.